

КАТЕРИНА БЕЛИК

16+

Женя

ДОБРАЯ ДЕВОЧКА
и
СПЛОШНЫЕ НЕПРЯТНОСТИ

Катерина Белик

Желя. Хорошая девочка и сплошные неприятности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65388671

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-93852-6

Аннотация

Разговаривают ли яблоки? Могут ли избушки шагать? Существуют ли драконы? Почему у некоторых сестёр братья козлы? Можно ли жениться на лягушке? Вот неполный список вопросов, на которые я никогда не мечтала получить ответы, но кто б меня спрашивал. Шестнадцать вёсен я спокойно жила в своей деревне и никакие подобные глупости меня не интересовали. Ну, на самом деле, не очень спокойно, но в целом без особых приключений. А потом в мою жизнь ворвался заклинатель... Ладно, если быть до конца честной, то это я ввалилась в его жизнь. То есть въехала... точнее, меня привезли... В общем, как бы то ни было, именно после встречи с заклинателем начались все мои самые яркие впечатления и приключения.

Содержание

Пролог	7
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	40
Глава 5	53
Глава 6	69
Глава 7	89
Глава 8	110
Глава 9	121
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Катерина Белик
Желя. Добрая девочка и
сплошные неприятности

Огромное спасибо моему мужу!

Без него бы этой книги не было

Аука - дух лесной, т

Банник - дух, что в
ошпарить, ирод это

Водяник - сила нез

Волкодлаки - колдун

Пролог

Ему снился тягостный сон. Кошмар, из которого никак не получалось выбраться. Юноша метался по постели, силясь прекратить видения, но ничего не выходило. У него никогда не возникало проблем с тем, чтобы проснуться, но сегодня что-то было не так. Словно действие чьей-то тёмной магии. Или будто накануне его опоили сонным зельем.

Он видел старуху с чёрными провалами глаз, одетую в белую сорочку, напоминавшую саван. Женщина кружилась на верхней площадке каменной башни, воздев руки к небу. Ветер рвал её длинные седые волосы, а она лишь визгливо хохотала. «Вы все умрёте! Вы все сегодня умрёте!» – нараспев кричала старуха, не переставая кружиться.

Услышав эти слова, он наконец-то смог проснуться. Рывком подскочил на кровати, тяжело дыша. Вся его кожа была покрыта бисеринками пота.

Парень потёр лицо руками и вдруг всё осознал. И почему так долго не мог проснуться, и что именно ему снилось. Страх и ужас сжали сердце. Он поспешно оделся и быстро вышел из комнаты. Бегло осмотрел дом и понял, что не ошибся.

И тогда он побежал. Побежал туда, где всё это случилось, в полной уверенности, что виденное им во сне уже произошло.

Парень знал, что опоздал и ничего уже нельзя изменить, но всё равно бежал. Бежал что есть сил, словно мог обогнать время и что-то исправить. Хотя и понимал, что это невозможно. Просто всё ещё не хотел верить.

Дыхание сбилось, а ноги подкосились, когда подошвы сапог соприкоснулись не с зелёной травой, а с пеплом. Удержался и не упал. Просто прекратил бег и вместо этого медленно побрёл по выжженной земле. Плечи опустились, шаги давались с трудом, словно юноша вмиг превратился в столетнего старца.

Здесь больше не чувствовалось магии. Ни капли. То, что некогда было Лесом, превратилось в выжженную пустыню. Деревья, кусты, трава, животные и... люди. Даже каменная башня исчезла. Всё превратилось в чёрное ничто, и только в воздухе летали крупные хлопья, которые можно было бы принять за снежинки. Пепел.

Парень стоял неподвижно посреди чёрной, сожжённой дотла поляны. Его волосы казались седыми из-за покрывшего их пепла. Он не пытался его стряхнуть. Застыл на месте и невидящим взором уставился перед собой, всё ещё не в состоянии поверить в то, что это действительно произошло. А в голове всё так же билось одно слово. Опоздал. Так безнадежно опоздал.

Позади него слышались шаги.

– Ты рад? – тихо спросил не оборачиваясь.

Не дождавшись ответа, он резко развернулся и, схватив

стоявшего позади него мужчину за грудки, заорал тому прямо в лицо:

– Теперь ты рад?! Ты ведь именно этого хотел?!

Глава 1

Долг платежом красен

Вас когда-нибудь использовали как разменную монету? А в сундук запихивали? Что, и долги семьи вами не покрывали? Ну что ж, возможно у вас всё ещё впереди. У меня тоже такое впервые. А между прочим, тут в сундуке темно. И ещё, пока меня везли к дому господина Драгоша, я пару раз хорошенько приложила голову. И так ума не было, а теперь небось совсем дурой стану.

Нет, вот никак в толк не возьму, зачем было меня в сундук пихать? Тем более так заранее! Я же вроде не отказывалась ехать. Вроде всё понимаю: судьба моя такая, доля моя женская, мужские грешки замаливать да пользу семье своим существованием приносить. Но зачем же так замудрёно, да неудобно? Голова теперь болит, бока болят, ноги затекли. Но самое главное, выгрузили меня уже давненько, а дальше ничего не происходит. Тут, кстати сказать, темно! Или я это уже говорила? А ещё у меня воздух кончается. Если господин заклинатель или кто-то из его прислуги в ближайшее время не обратит внимание на этот сундук, то я тут и помру.

А что, если меня вместе с сундуком в выгребную яму выкинут? Сундук-то происхождения неизвестного, выглядит мусор мусором, а то, что я внутри, знают только дядька мой,

да братья. А они, как выгрузили меня, так и домой поехали. Всё же жутковато во владениях колдуна быть. Им жутковато, а мне, значит, нет? Мне-то что! Я всего лишь в старом вонючем сундуке, как в погребальном ящике, посреди двора валяюсь, вся в синяках да ссадинах.

– Эй! Эй, кто-нибудь!! – не выдержала и начала толкать крышку руками. – Эй, вы там! Выпустите меня!

На время замолчала и прислушалась. А что, если меня бросили не во дворе у господина Драгоша, а где-нибудь в лесу, как ненужную зверушку? Нет, быть того не может.

– Лю-ю-юди-и-и! А-а-а-и-а-ай!

Я начала стучать каблуками по стенке сундука. Может, услышат, а может, получится разломать эту старую рухлядь.

Кто-то откинул крышку. Пришлось зажмуриться от яркого света. Всё-таки не так долго я пробыла в сундуке, раз светило ещё не село и горит так ярко.

– Что за чёрт? – услышала грубое ворчание.

Пришлось снова открыть глаза и посмотреть на того, кто поминает чёрта.

– Здрасьте! – прохрипела я.

Эх, сорвала голос, пока орала.

Оказалось, что светило всё-таки село, а ослепил меня свет от лампы, которую держал мужчина. Интересно, а он кто такой-то? Конюх? Дворник? Ключник? Привратник? Хотя, не знаю, есть ли тут ворота, через сундук не видно было.

– Ты что тут делаешь? – опять подал голос ламподержа-

тель. Да, пока не узнаю, кто он такой, как звать и какую должность занимает, буду про себя называть его «ламподержатель». Хотя длинно как-то получается. Сундукооткрыватель. Нет, это ещё длиннее. Ламподержец...

– Глухая, что ли?

– А? – ой, кажется, я что-то упустила, пока думала, как звать своего спасителя.

– Делаешь ты тут что?

– Лежу.

Вот уж точно, пока меня везли, весь мозг вытрясли.

– Ну, лежи, лежи. Не ори только, спать мешаешь, – проворчал мужик и двинулся куда-то в темноту.

– Эй, эй! Стой!

Я начала выкарабкиваться из сундука. Как ни странно, но ламподержец остался на месте и в полной тишине, нарушаемой только моим кряхтением, наблюдал за моими мучениями.

Наконец я стояла на твёрдой земле. Поправив платье и с хрустом потянувшись, вновь обратила внимание на фигуру с лампой.

– Кхм, здрасьте.

– Говорила уже.

– А, ну да, – быстро вспомнив, что мне втолковывал дядька, я начала: – Я к господину Драгошу. То есть не «к», то есть «для»... В общем, я – господину Драгошу.

Мужик почему-то дёрнулся, потом недоверчиво на меня

посмотрел и протянул:

– На кой ты ему?

– В уплату долга. Дядька прислал, за спасение брата. То есть сына. Ну, то есть его сына, а моего брата. Господин Драгош брата моего у водяника отнял да часть своей жизни в тело его вдохнул. А я как бы плата за это. Ну, не «как бы», а плата.

– Не нужна ты, иди домой, – и он начал опять уходить в темноту.

– Эй-эй-эй! Как это не нужна? Стоять!

Но мужик продолжал удаляться, оставляя меня в темноте.

– Стой! Эй, ламподержец, держатель, светитель! Стой, кому говорю! Откуда знаешь, что не нужна?

Так как он и не думал останавливаться, пришлось договаться. А бежать в темноте после того, как полдня провела в скрюченном состоянии в сундуке, да ещё и кричать во время этого, ой как непросто, скажу я вам. Но мне удалось догнать негодяя у самого порога дома и вцепиться ему в рукав.

– Ты... чего это... как не нужна... совсем, фу-у-у, ополоумел, – бегать я не любила, так что после каждого слова пришлось с жадностью вдыхать и выдыхать воздух, – откуда тебе знать, лампоуноситель?

– Да потому что я и есть господин Драгош, и ты мне даром не нужна!

На этих словах я резко отпустила его рукав и отшатнулась назад. Как это он – господин Драгош? Это я сейчас с заклин-

нателем так разговаривала? Это я ему сейчас эйкала и тыкала? Ой-ой-ой, а я ещё такая молодая! Я же ещё через костры не напрыгалась, я же ещё земляники не наелась, не наколядовалась вдоволь, не... Чего я там ещё не наделалась? Да всего не наделалась! Молода я, чтоб помирать, а чаровник на расплату скор, на язык груб, на лицо молод... Ну, как молод? Для обычного мужика так уже и стар, вёсен тридцать ему, наверное. Но для заклинателя так слишком молод! Волосы до плеч, чёрные что вороново крыло, ни следа проседи! Даже бороды и той нет! Чего это он не старец какой-нибудь, как все уважающие себя колдуны? Не иначе как чары! А то я б ни за что не спутала его с прислужниками. А значит, сам виноват! Кто просил его выглядеть моложе дядьки моего? И одет не по-заклинательски! Простая серая рубаха, штаны да сапоги. Хотя не знаю, как заклинатели должны одеваться, но явно не так. И где ж это видано, чтоб колдун сам сундуки раскрывал, да лампы таскал? Вот уж непорядок!

Пока все эти мысли проносились в моей пристукнутой головушке одна за одной, руки сами как-то упёрлись в бока и взгляд из перепуганного сделался возмущённым. А то, что всё это со мной произошло, я поняла только оттого, что заклинатель начал взирать на меня несколько удивлённо и, приподняв свои чёрные брови, спросил:

– Это что за перемена? Ты, девка, что себе удумала уже?

Руки пришлось всё ж опустить, как-никак перед колдуном стою, а не перед селянином каким.

– Нужна, не нужна. Долг уплачен. Обратно дядька меня не возьмёт.

– Скажешь ему, что не нужна плата. Иди отсюда быстрее. Ночь на дворе, а ты орёшь. Спать мешаешь.

– Не уйду! Некуда мне. Да и как я пойду? У вас же дом посреди леса стоит! До ближайшей деревни вёрст двадцать! А вы сами сказали, ночь на дворе, темно!

И тут этот колдун, неправильно одетый, всучил мне лампу и зашёл в дом, захлопнув за собой дверь.

Вот теперь надо думать, где ночевать. Головой я сегодня, конечно, билась, но не настолько, чтоб к чаровнику в дом ломиться, когда меня не звали. Идея появилась только одна. Сундук. Но не спать же в нём там, где его бросили. Придётся тащить сундук поближе к дому, чтобы ненавязчиво показать колдуну, что я никуда не делась и деваться не собираюсь.

Хоть у меня и была лампа, сундук я нашла не сразу, пришлось немного поплутать. Вот ведь интересно, как меня заклинатель слышал? Выгрузили меня не так уж близко к дому, а ведь он ещё и сказал, что я своими криками ему спать мешала. Вот ведь слух у мужика! Не иначе как чары!

А вот у сундука меня ждало разочарование. Видимо, братья забыли выкинуть свёрток с моей одеждой, потому что его здесь не было.

– Ну, и как прикажете мне теперь быть? В одном платье среди ночи?

Вы когда-нибудь толкали старый деревянный сундук но-

чью по двору заклинателя? Нет? Ну, возможно у вас ещё всё впереди.

Сначала я пыталась его тащить, но он даже не сдвинулся с места. Потом я решила его толкать. Стало попроще. Ну, то есть как проще? Он чуть-чуть сдвинулся с места. В конце концов я опёрлась спиной на стенку сундука и, упираясь каблуками в землю, начала толкать свою будущую кровать поближе к дому. По крайней мере, я очень надеялась, что к дому.

К моменту, когда дотолкала это деревянное орудие пыток до крыльца, стало светлеть. И тут я разглядела, что на веранде есть лавка и столик.

– Это ж я что, зазря тащила тебя, древность ты деревянная?

Пнула сундук от злости и пошла укладываться на лавку.

– По крайней мере согрелась, – пробормотала и погрузилась в сон.

Мне снилось, что кто-то пристально на меня смотрит и шёпотом приговаривает:

– Охохонюшки-охохошеньки, жалко девку, ой жалко. Может, и Дражек пожалеет?

Потом этот кто-то дотронулся до моих волос, и пришлось раскрыть глаза. Рядом никого не было, а светило только-только начало показываться из-за верхушек деревьев. Решила, что можно ещё подремать, и крепко заснула. В этот раз мне никто не снился.

Глава 2

Утро вечера мудренее

Где-то рядом выл раненый зверь. А потом кто-то схватил меня за грудки и хорошенько потряхнул над лавкой, так что волей-неволей пришлось просыпаться и открывать глаза.

– Ты-ы-ы! ТЫ!

На меня смотрели огромные чёрные глаза с расширенными зрачками. И принадлежали они заклинателю. Один из его глаз заметно подёргивался. Кажется, мужик был не в себе.

– Я. Я! Что я?

Попыталась вырваться из его железной хватки.

– Ты-ы-ы!

Дальше последовал какой-то нечленораздельный то ли стон, то ли вопль. И сразу стало понятно, что это за зверь был, пока я спала.

Наконец заклинатель перестал меня трясти и отпустил. Он зарылся пальцами в свои длинные волосы, закрыл глаза и задрал голову кверху. Снова последовал яростный вопль.

– За что? За что? За что?! Мой эксперимент... Мой эксперимент!

Пока этот неадекватный мужик стоял передо мной и что-то бормотал, мне представился шанс рассмотреть его получше. Впрочем, ничего нового не разглядела. Обратила внима-

ние только на то, что у господина Драгоша волосы мокрые. Видимо, он сам недавно проснулся и только умылся. Кстати, умыться не помешало бы, только куда тут идти мыться, когда перед тобой истеричный заклинатель волосы на голове рвёт? Неужели так не рад тому, что я осталась?

– Э-э-эй, эй, вы чего? – решила отвлечь мужика от столь бесполезного дела, как покачивание из стороны в сторону.

– Ты!

Кажется, к заклинателю вернулось его убийственное настроение, точнее, потрясающее, потому что он опять схватил меня и начал потряхивать на каждом слове:

– Ты...

Трях!

– зачем...

Клац! Ой, это были мои зубы.

– притащила...

Дёрг!

– СУНДУК?!

Ох ты ж, а сундук-то чем ему помешал? Ну да, можно было не тащить, но ему-то какая разница?

– А-а-э-эм, мой сундук, захотела, принесла!

– Принесла она! Принесла! Ух!

Заклинатель отвёл руку, словно собирался меня ударить, но перевёл взгляд куда-то на мою голову и отпустил меня. Вновь впился руками в свою многострадальные волосы и завопил:

– Степа-а-ан!

После чего быстро исчез за дверью дома.

Мне ничего не оставалось, как усесться обратно на лавку и с облегчением вздохнуть.

– Повезло же тебе, что дядь Степану ты понравилась.

На перилах веранды, прислонившись к деревянному столбику, сидел рыжий мальчишка. Выглядел он лет на десять, но при этом был какой-то уж очень маленький, порой младенцы и те больше него бывают.

– К-кто такой дядя С-степан? – почему-то неправильные размеры этого рыжего заставили меня заикаться и говорить шёпотом.

– Да домовик же местный! А я у него в подмастерьях. Дядь Степан добрый, и ты ему понравилась. Вот хозяин тебя и не тронул. Он хоть и заклинатель сильный, но знает, что с домовиком лучше не ссориться. Хотя видно, как зол. Никогда ещё не слышал, чтоб хозяин дядю просто по имени звал.

Вспомнив о домовиках всё, что знала, я начала ощупывать свою голову. И нашла мелко-мелко заплетённую косичку. Значит, и вправду понравилась домовику, ведь они заплетают косички только тем, кто им понравился. Хотя нет. Теперь я вспомнила, что слышала перед тем, как окончательно заснуть. Домовик меня пожалел.

– Спасибо ему. Но за что господин Драгош так на меня осерчал? И при чём тут сундук? И о каком таком эске... эспек... экскременте он бормотал?

Рыжий малец почему-то залился смехом, да так, что чуть не свалился с перил.

– Ну, во-первых, я вчера не видел, как ты появилась, но могу с точностью до ладони сказать, где это было и каким путём сюда прибыл сундук.

Он махнул рукой и, повернув голову в ту сторону, в которую он указал, я заметила глубокую борозду, ведущую к дому. Трава была выдернута, затоптана и вообще больше напоминала поле боя, чем идеальную лужайку. Я почему-то была уверена, что раньше эта лужайка была именно идеальной.

– Ой-ёй...

– А, во-вторых, бросила ты свой сундук на грядке. Да не на простой грядке, а на грядке с тирлич-травой. Хозяин проводил эксперимент. Все знают, что истинная тирлич-трава растёт только на Лысой Горе. Он же пытался вырастить траву здесь, чтобы она обладала теми же свойствами. Всего седмицы не дожила травушка, чтобы проверить, удалось ли заклинателю вырастить истинную тирлич-траву вдали от Горы. А ведь это первый раз за несколько лет, когда у хозяина трава взошла. И по всем признакам именно такая, как должна быть. Ох, ну и повезло тебе с дядь Степаном.

– Охти ж мне... А где он сам? Дядя Степан? Надобно отблагодарить дяденьку.

– Э-э-э, не, дядь Степан людям не показывается. У домо-виков не принято. Это ж к беде!

Рыжий начал весело болтать ногой. Всё-таки он так ко-

гда-нибудь сверзится с перил.

– А ты же как же?

– А я только подмастерье, я пока не полноправный домовик, это ж не мой дом, да и мал я пока что.

– Никогда бы не подумала, что у домовиков тоже бывают подмастерья, – медленно пробормотала я.

– А то как же! А ты думаешь, мы сразу всё можем, всё умеем? Родились и сразу старые да умные? Сразу от одного нашего присутствия уют и тепло, да? Ну ты даёшь! Вроде такая большая, а о жизни не знаешь ничего! – и он снова залился смехом.

Тут его будто бы кто-то легонько толкнул в плечо, я это заметила, потому что внимательно наблюдала за этим мелким. Да и смеяться он перестал, потёр плечо и, внезапно посерьёзнев, сказал:

– Ты ж, наверное, умыться хочешь? Пойдём, провожу.

***

Подмастерье домовика сидел на ветке яблони и мотылял ногой из стороны в сторону, пока я умывалась. Надо бы ему сказать, что примета плохая, ногами качать. Хотя распространяются ли приметы на домовиков? И что у этого рыжего за привычка залезать куда повыше? Это оттого, что он росточком чуть выше моих коленок? Боится, что его затопчет кто? Интересно, а можно домовика затоптать? Чур меня чур,

чушь какая в голову лезет, видать, пока заклинатель меня тряс, остатки разума, что сохранились после поездки в сундуке, окончательно повывлетали.

– Я тебе гребешок захватил, только ты косичку-то не расплетай, не стоит пока. Пусть оберегом твоим побудет, а то хозяин может и... – он стукнул кулачком по ветке, – в общем, не расплетай пока.

Вот уж непосильная задача – расчесать волосы так, чтоб косицу, заплетённую домовиком, не потревожить!

– Что ж мне теперь до конца дней своих с ней ходить?

– Да не, хозяин отходчивый.

– А он бы и вправду меня ударил, если б не косица? – вопросительно пробормотала я, – Меня никогда не били, я даже и испугаться толком не успела.

Мальчишка как-то неубедительно покачал головой:

– Да не думаю, хозяин-то вообще не злой. Но ты ему здорово подкузьмила со своим сундуком. Он над этой травой так трясся. Э-э-эх!

– Ничего не пойму, чтоб взрослый мужик так из-за травы убивался. Я утром думала, он скотину какую-то в жертву приносит или ещё что. Вой такой стоял! А это заклинатель оказался. Ох ты ж, бесенёнок путаный!

Волосы на затылке никак не хотели распутываться, и как им вообще удалось там запутаться? Я всегда злюсь, когда волосы отказываются расчёсываться, а тут ещё эта обережная косица. От злости топнула ногой.

– Да и вообще! Он же колдун, пусть наколдует себе травы вместо того, чтобы причитать, как девица, и меня как грушу трясти! Ой!

Кто-то сзади схватил меня за ворот.

– Я заклинатель, а не колдун, пустая твоя башка! – опять он меня трясти пытается, я ему яблоня, что ли? – Малюта, чего опять по деревьям лазишь, как белка, слезай и бегом Степану Игнатьичу помогать! А ты, – он опять меня потрянул, – айда в дом, завтракать. А то ещё чего учудишь, или яблок молодильных наешься до состояния младенца, или огород мой вытопчешь, или кур всех распугаешь.

С этими словами не-колдун начал толкать меня в сторону дома. И чего это он не колдун? Запросто с нечистой общается, травы волшебные выращивает, яблоки молодильные в саду у него растут – и это он неколдуном зовёт?

– Ага, как же, – пробормотала я.

– Что ты там под нос себе бормочешь, бедоносица?

– Как же, как же, говорю, – я остановилась и развернулась к заклинателю лицом. – И перестаньте меня уже толкать, сама дойду. И вообще, вы ж колдун! Все признаки на лицо.

Для убедительности ткнула пальцем в сторону этого самого лица.

– Ох, язви тебя в душу! Иди уже!

Он толкнул меня вперёд, а сам медленно пошёл позади, тихо что-то приговаривая.

Я старалась идти и дышать как можно тише, чтобы рас-

слышать, что он там так озлобленно шепчет себе под нос.

– Вы ж колдун! Пф, нет, ну ты ж колдун! Домовой разбушевался, успокой, ты ж колдун. У меня куры не несутся, сделай что-нибудь, ты ж колдун. У меня колесо на телеге отвалилось, прикрути, ты ж колдун. Жена к кузнецу ушла, крыша протекает, удои уменьшился, банник сестру по мягкому месту шлёпает, кот мышей не ловит, молоко киснет, светило ярко горит, дождя нет... Верни, залатай, увеличь, отвадь, воспитай, восстанови, приглуши, вызови... **ТЫ Ж КОЛДУН!**

Последние слова этот ненормальный тыжколдун выкрикнул так громко, что я подпрыгнула.

– Слушайте, дядечка не-колдун, вам бы отвар ромашковый попить с мятой, а то вы нервный какой-то.

– Молчи, пока я не передумал, не упаковал тебя обратно в сундук и не отправил в увлекательное путешествие к водянику и русалкам, – сурово отрезал истеричный неколдунский заклинатель и зашёл в дом.

***

– Вижу, уходить ты не собираешься. И что прикажешь с тобой делать? – господин Драгош внимательно изучал меня, пока пил травяной взвар, – толку от тебя чуть. На опыты раз-ве что.

– Как это чуть? Какие опыты? Господин заклинатель, да я

ж у вас всего один вечер, может, я пригожусь в хозяйстве!

– Один вечер, а уже успела убить мой многолетний эксперимент!

Ой, кажется, он сейчас опять будет кричать и меня трясти! Нужно срочно его отвлечь.

– А может, вы меня в подмастерья возьмёте? Вон как Малюта у Степана Игнатьича, так и я у вас?

Заклинатель прыснул от смеха.

– Забавная ты, может, и вправду позволю остаться.

Ну, и чего это ему забавно? Обидно, между прочим, может, из меня и вправду вышла бы заклинительница. Я мечтательно прикрыла глаза.

– Ладно, раз уж в ближайшее время ты всё равно собираешься мозолить мне глаза и оставаться поблизости, то хоть имя своё скажи.

– А, ой. Это я что, не представилась до сих пор? Я – Желя.

Заклинатель резко поставил кружку на стол и вскочил.

– Ну да, конечно, стоило ожидать. Сначала домовик мне показался, теперь ты нарисовалась. Ну уж нет, я пока помирать не собираюсь! – с каждым предложением он говорил всё громче, а последние и вовсе прокричал: – Малюта, пригляди за ней, пока меня не будет. В сад не пускать!

Быстрым шагом заклинитель покинул дом.

– Чего это с ним? Станный какой-то, – пробормотала я, допивая свой взвар.

Глава 3

Вижу и сама, что муж мой без ума

Я так и осталась сидеть за столом, в задумчивости водя пальцем по его резному торцу.

– Малюта, а кто блинов испёк к завтраку? Что-то я тут, кроме господина нервного не-колдуна и тебя, никого больше не видела. Малюта? – пришлось оторваться от разглядывания узора и поискать взглядом мальчика.

Нашёлся рыжий на печи, в самом её дальнем углу. Он как-то боязливо жался к дальней стенке.

– Малюта, ты чего? – пришлось крутить головой в поисках того, что его так напугало, – Что?

– Ты – Жля? – прошептал он.

– Же-ля. Что такого? Ты – Малюта, я – Желя, заклинатель – Драгош. Как назвали в младенчестве, на то и откликаемся. Что это заклинатель так разбушевался, а ты на печку забился?

– Так ты не хозяина оплакивать явилась?

– А чего его оплакивать-то? Он хворый, что ли? Хотя умом-то точно хворый, то смеется, то воет, то по столу стучит, то в дом не пускает, то на завтрак приглашает. Но разве ж от дурости мрут? Никогда такого не слышала.

– Или ты весть какую из Нави принесла? – малой придви-

нулся в мою сторону.

Видится мне, что, может, от дурусти и не мрут, но она заразна. Вон и мелкий крышею поехавший оказался. Чушь какую-то мелет, и глазки у него засверкали уж больно жутко. Пожалуй, стоит мне от него подальше держаться, а то у меня своего ума не шибко много, а как их головной хворьбой заражусь, то совсем безумна стану. Только как же мне от них болезных держаться вдалеке, когда идти мне некуда? Так, что там мне дядька рассказывал про дурачков обезумевших? К заклинателю их надо, он поможет. А что же делать, когда заклинатель сам безумец? Видать, лечил он дурачков, да и надышали они на него дурустью. Что делать-то?

Помнится, когда братья лежали с лихорадкой, наш деревенский лекарь советовал всем домочадцам укутывать рот и нос платками, чтобы мы тоже не слегли с болезнью. Значит, мне сейчас надо поступить так же. Только как объяснить это Малюте? Эти блаженные могут непредсказуемо отзываться на всякий намёк об их хвори.

Я начала шарить взглядом по дому. Ага, вот веник, можно начать уборку, а платок на лице будто бы от пыли защищает. Ай да я, ай да Желя! Умница!

– Ой, Малютушка, да что ж ты такое говоришь? Дядька меня привёз. Господину Драгошу в уплату долга. А я вот пока никак не пригодилась. Да ничего, вот в хате порядок наведу, может, хозяин твой рад будет.

Схватила полотенце, повязала на лицо на манер платка,

как лекарь учил, и принялась мести.

– Вы уж меня со Степаном Игнатьичем простите, попылю немного, зато потом чисто будет!

Рыжий малец смотрел на меня слегка ошалелыми глазами, но где-то посреди уборки пришёл в себя и даже стал помогать. А ещё через какое-то время сам начал разговор.

– Хозяин Драгош один живёт.

– Один? И как же он справляется-то? Дом большой, и сад, и куры, и дела заклинательские. Как можно одному за всем поспеть?

– Ну, домовик, как водится, банник, дворовик, баба Марта когда-никогда заглядывает. Все помогают ему. Да и с лесными он в дружбе, бывают захаживают.

– А баба Марта – это кто?

– А! Это так не описать, видеть надо. От неё помощи никакой, зато компания.

– Так кто еду готовит? Неужто Степан Игнатьич? Не думала, что домовики настолько помогают.

– Да не, хозяин сам и готовит.

От этих слов я аж замерла с веником в замахе.

– Как сам? Он же мужик! Не положено мужику стряпнёй заниматься, бабское это, – я упёрла руки в бока и продолжила, – ты ещё скажи, что стирает и шьёт он тоже сам! Ишь, думаешь, если я пришла, то можно мне сказки да небылицы рассказывать?

– Да честное правдишное, Желька! Я и сам, когда в уче-

ники дядь Степану пришёл, не поверил. Но вот сам своими глазами увидел. Видать, это всё, потому что хозяин издалека прибыл, а у них там свой уклад.

– Уклад свой, говоришь? – ой странно всё это.

Тем временем комнату я уже подмела. А в другие без разрешения заклинателя идти боязно. И платок снимать не хочется, а ну как от Малюты заражусь умопомешательством. Эх, а платье моё с обережной вышивкой вместе с остальными вещами пропало! А ведь там точно одолень-травы знак вышит был, он бы помог.

– Ох!

Вот же я глупая, зачем мне вышивка, когда я могу саму траву найти, время года подходящее! Быстро поставила ве-
ник в тот угол, откуда взяла, сорвала с лица полотенце и побежала к двери. Уже на самом пороге оглянулась на помощника домовика:

– А озеро в какой стороне?

Рыжий малец странно на меня посмотрел, но махнул рукой в нужном направлении.

– Спасибо! Скоро вернусь!

***

На выходе со двора я сорвала чернобыльник и вплела в косу.

– От русалок оберег не помешает. Седмица русалья, а ну

как разгуляются?

Не то чтобы я хоть раз видела русалок, но всё же предосторожность никогда не повредит. Да и вообще, до того, как я попала в дом господина Драгоша, для меня домовики были не более чем дедовским поверьем. Да, я оставляла в дядькином доме молока для домовика, но всё равно всегда была уверена, что это кто-то из братьев его выпивает. Даже не знаю, почему я спокойно восприняла Малюту и его незримого дядю Степана. Наверняка это какое-то колдовское влияние неколдунского господина Драгоша.

И всё же что-то с заклинателем не так. Начиная с его внешнего вида, кончая поведением. Весь он какой-то не заклинательский.

Они же какие должны быть? Во-первых, старые. Хотя может, это действие молодильных яблок, о которых он упоминал? Во-вторых... а что во-вторых-то? Кажется, на «во-первых» моё представление о заклинателях заканчивается. Но всё равно, какой-то он не такой. Неужто заклинателям свойственно впадать в истерики? Бабское это состояние, не пристало здоровому мужику из-за растительности так убиваться. Подумаешь, травку я ему сундуком переехала. Кстати, о растительности. Что это за безбородый и безусый мужик? И кашеварит к тому же сам.

От собственной догадки чуть не запнулась.

– Девка! Заклинатель – девка!

То-то так отнекивался от того, чтоб я у него осталась. Вся-

ко понятно, две бабы в доме – к беде да сварам.

А отчего ж скрывает? Так понятно, от чего. Мужiku доверия больше. Это раз. После того случая с Ивашкой и Ягой ведьмам в деревнях вообще веры нет. Не зря же так разбушевался, когда я его колдуном звала, всяко понятно, что называться заклинателем безопаснее. Это два. А как кто прознает, что среди леса в большом доме девица одна живёт, так вообще пиши пропало. И имечко у него... у неё... всегда мне странным казалось. Драгош. Небось Драгомила какая-нибудь. А то, что ростом велик, так у нас в деревнях бабы поболе мужиков ростом иной раз вымахивают. А все женские выпуклости под широкой мужской рубахой скрыть нетрудно. Ну, точно! Всё одно к одному сходится. Только как же мне быть теперь? Оставаться при заклинательнице плохо, я уже говорила, две бабы в доме – худо. Возвращаться к дядьке – отлупит и назад свезёт, не могу ж я ему сказать, что господин Драгош оказался госпожой.

Я остановилась и прислонилась к раскидистому дубу.

– Эх, мудрый дуб, дай совет, как же мне теперь быть? С какого боку ни глянь, со всех выходит дурно. Ну, да ладно, делать нечего. Для начала всё ж таки одолень-травы сорву, потом буду голову ломать что дальше делать.

Повертела головой в поисках озера. Шла я уже давно, вон светило как высоко над головой поднялось, а озера ни следа. Вот ведь дура, надо было спросить у Малыты, далеко ль до озера? Или я с пути сбилась? Покрутилась на месте. Да нет,

иду туда, куда Малюта указал. Значит, просто озеро дальше, чем я рассчитывала, хотя братья, перед тем как меня к заклинателью отправить, рассказывали, что живёт тот недалеко от озера.

Тут что-то огромное и чёрное прыгнуло с дуба прямо передо мной. У этого чего-то были огромные зелёные глаза, вздыбившаяся шерсть и просто оглушительно громкое шипение.

– А-а-а!

Я отпрыгнула назад, споткнулась обо что-то и приземлилась прямо на пятую точку, не забывая при этом истошно орать. Ну не люблю я, когда на меня прыгают и шипят.

Огромное чёрное шерстяное чудище продолжало двигаться в мою сторону, не обращая внимание на мой крик. Хотя, может, и обратило, потому что к шипению добавились ещё какие-то ужасающие звуки. Видимо, оно хотело меня перерорать. Не тут-то было, потому что я решила прибавить громкости и перешла на более звенящие ноты. Не знаю, как у чудища, а у меня в голове точно от этого зазвенело, а птицы, сидевшие в ветвях ближайших деревьев, разлетелись кто куда.

Нащупала какую-то палку, видимо, об неё-то я и споткнулась, и, недолго думая, бросила её в этого лохматого шипельника, продолжая голосить во всю мочь. Палка угодила чудищу куда-то под ноги. Издав последний ужасающий звук, что-то похожее на «умахфшш», оно, видимо, решило, что

воплю я громче него, прыгнуло в кусты и исчезло из поля моего зрения. Поорав ещё немного для острастки, я наконец-то замолчала. Вставать было по-прежнему страшновато, да и все силы ушли на голосистое отпугивание зверя, поэтому я немного отползла назад и уткнулась спиной в какое-то деревце. От толчка с ветки прямо передо мной упало что-то зелёное. Я уж было начала набирать воздуха для очередного отпугивающего клича, как вдруг это нечто залепетало:

– Ой, не ори, только не ори. Пожалуйста, не надо.

Присмотрелась к просящему. Это оказалось очень маленькое существо, будто покрытое мхом. Упало оно плашмя, словно в таком положении и лежало на ветке, закрыв ладошками уши, пока я случайно его не уронила.

– Не буду.

Подтянула колени к подбородку, продолжая разглядывать это странное мшистое существо. Оно приоткрыло один глаз и осторожно отняло руки от ушей:

– Точно не будешь?

– Точно. А ты кто?

Существо решило, что буря миновала, открыло уже оба глаза и село. Оно было даже меньше Малюты, только щекастое и пузатое, и всё какое-то зелёное, местами покрытое листьями.

– Аука я. Половину дороги за тобой шёл. Только хотел позабавиться, а ты ну кричать. Всё настроение мне перебила! Да я ж теперь седмицу слышать буду худо!

Про Ауку у нас в деревне слышали, что он путников путает, шутки с ними шутит да бывает пугает иногда. Это что ж, мне спасибо чёрному чудищу сказать надо, что благодаря ему меня Аука путать теперь не будет? Во дела!

– Что молчишь, девка? Стыдно стало, что слуха меня лишила? То-то же! Эх, надо ж так! Я такую забаву придумал.

– Простите, – и всё-таки с лесными духами стоит быть обходительными, мало ли мне ещё по лесу побродить придётся.

– Та, – Аука махнул рукой, – ты куда идёшь-то одна по лесу?

– К озеру мне надо, очень надо.

– Ну, раз надо, пойдём, провожу, а то ты опять орать начнёшь как потерпевшая, распугаешь тут всех так, что навсегда меня потехи лишишь.

***

Озеро и вправду оказалось совсем недалеко, хорошо, что Аука взялся меня провожать. Пока мы шли, я успела несколько раз пожалеть, что не взяла ничего с собой перекусить. Завтрак, которым заклинательница меня накормила, успел уже давным-давно перевариться.

– Во-о-он за теми деревьями озеро, – махнул зелёной рукой Аука.

Мы остановились.

– Ой, там за деревьями будто кто-то плачет, – заметила я.

– А то ж. Ты иди-иди, тебе ж к озеру надо.

Аука странно хихикнул и юркнул за деревья. Я покрутила головой в его поисках, но поди ж угляди такого маленького да зелёного в лесу. Пришлось идти к озеру. Оно действительно оказалось за деревьями, как и сказал мой мшистый провожатый.

А на большом камне, наполовину погруженном в воду, сидела очень красивая черноволосая девушка и плакала. Я колебалась, то ли подойти поближе и успокоить её, то ли дождаться где-нибудь поодаль, пока она сама успокоится и уйдёт. Но пока я решала, что же делать, девица, видимо почувствовав моё присутствие, повернулась ко мне. Слёзы на её огромных чёрных глазах моментально высохли, а лицо перекосила злобная гримаса. Она взвыла:

– Ты-ы-ы!

Ой-ёй, примерно так же у меня началось утро в доме Драго...милы. Неужто я этой красавице тоже какую-то травку затоптала? И когда успела?

– Ты-ы! Это всё ты! Ты увела у меня милого!

Э, нет, тут не травка, тут видимо распространившийся случай умопомешательства.

– Какого милого? О чём ты? Знать не знаю никаких милых.

– А-а-а! Не отвертись! Я всё знаю! – она вскочила, да так резко, что я испугалась, что она поскользнётся и бултыхнется в воду, – Знаю, он к тебе ушёл! Меня бросил, а сам

тебя выбрал!

Что ж тут в этом лесу воздух такой, что все с умом не дружат да с него сходят?

– Ой, девица, ты б вдыхала малыми порциями, а то усугубишь ситуацию.

– Ага! Уже и не отказываешься, что любимого моего охотунала? Вот я тебе сейчас косу твою пооткручу! Без косы ты ему небось не по нраву будешь!

Эта полоумная начала медленно ко мне приближаться.

– Что ты? Что ты?! Какой милый, какой любимый? Не вводила я у тебя никого! Зачем он мне. Да и я ему зачем? Ты же на себя посмотри и на меня. Ты ж красавица, а я простая деревенская девка, неужто ты в такого дурака влюблена? Не может того быть, – интересно, а на безумцев здравые рассуждения влияние имеют? – Может, ты меня с кем-то перепутала? Я вообще тут первый день, я ж из дальней деревни, как бы я твоего любимого отбивала издалека-то?

Умопомешавшаяся остановилась и призадумалась. Потом вернулась на камень и разрыдалась пуще прежнего. Пожалуй, не буду я её успокаивать, себе дороже. По деревенским девкам знаю, чем больше успокаиваешь, тем больше рыдают. А эта, если начнёт ещё больше рыдать, то лопнет. Так что подходить к ней не стала, к тому же непонятно, вдруг накинется да поколотит, вновь решив, что я ей соперница. Поэтому я присела на бережок поодаль. Уходить тоже не собиралась, во-первых, я одолень-травы ещё не собрала, а во-

вторых, вдруг эта рыдательница решит утопиться?

Не успела я расположиться поудобней, как рыдания по-
утихли, и девица заговорила:

– Все они такие! Все мужики! И твой мужик тебя бросит и
к другой уйдёт. Он и сейчас тебе изменяет, как есть говорю.

Интересно, какой эт мне мужик изменяет-то, когда у меня
никакого мужика и в помине нет?

– Э-э-э... Так нету его.

– Конечно, он же гуляет у тебя! А соперница-то красивее
да умелее!

– Да у меня вообще мужика нет, говорю.

Вообще, это была моя больная мозоль. Отсутствие мужи-
ка в моём возрасте – это грустно. Не то чтобы мне уж так
сильно хотелось, чтобы он был. Но всё равно обидно как-то.

Черноволосая на меня странно посмотрела, постучала
указательным пальцем по камню и спросила:

– Совсем?

– Вот же ж лапти в разные стороны! Нет, верхняя поло-
винка мужика есть, а нижняя к сопернице сбежала! Раз го-
ворю, вообще нет, так значит, совсем нет!

– Хм, – она опять постучала пальцем по камню, – Ну, а в
деревне твоей тебе ж кто-то нравится?

– Да я ж там уже не живу и не буду. Я теперь в лесу у
заклинательни... заклинателя живу. Вроде бы. Наверное.

– Заклинатель! – она радостно хлопнула в ладоши, а по-
том снова настроилась на свой заунывный лад: – Вот не верь

ему, не любит он тебя! По чужим домам ходит, к девкам другим! Их округлые формы его влекут, а не твои.

Я как представила, что заклинательница Драгомила водит девок на сеновал и там им о любви рассказывает, так и покатилась со смеху.

– Да что опять не так-то?! – черновласка покраснела от злости и в сердцах ударила кулаками о камень.

– Ой насмешила, ой не могу, – от смеха у меня выступили слёзы на глазах, но я кое-как успокоилась и села ровно.

Собеседница злобно на меня смотрела всё это время и будто что-то про себя решала.

– Ну что ж. Нет у тебя сейчас любимого, но когда-то же будет! Повстречаешь молодца красного, сердце своё девичье отдашь ему, а он растопчет его в пыль да уйдёт к другой! И вот она будет красивей, да умелей, да сноровистей тебя! И ничего ты ей противопоставить не сможешь. Попомнишь тогда мои слова. И даже когда он с тобой будет, то о другой думать будет!

– А чего ж ему тогда со мной быть? Зачем же я буду мужика неволить? Не захочет со мной быть, так пусть идёт к той, что красивее да умелее. Мужик же не собака, на цепь его сажать, что ли?

Черноволосая опять покраснела.

– Ты-ы-ы! Ты!

Так, кажется, мы опять пришли к тому, с чего начали. Она резко подскочила, но вместо того, чтобы с угрожающими ре-

чами пойти на меня, снова разрыдалась и ринулась куда-то вглубь леса.

– Вот точно, воздух в этом лесу способствует помутнению рассудка...

Глава 4

Где запивать, тут и ночевать

Я посидела ещё немного на берегу, опасаясь, что моя странная собеседница вернётся с новыми обвинениями, но она не появлялась. Мой желудок напомнил о себе и о том, что его надо кормить больше, чем раз в день.

– Тихо-тихо. Сейчас травы соберём и вернёмся. Может, там еды заклинательница сварила, а может, от завтрака чего осталось.

Только как же собрать одолень-траву? Растёт-то её тут тьма, а как собирать? Ведь все знают, что так просто рвать её нельзя. Ну, можно, конечно, но целебной силы тогда от неё никакой. А рвать её надо в подвешенном состоянии. И на чём же мне тут повиснуть? Я стала внимательно осматривать озеро. А вот и удача! Поодаль росло дерево, низко склонившееся над озером, а прямо под ним – целый островок листьев одолень-травы. Если мне удастся залезть на это дерево да проползти по стволу к тому месту, под которым растёт трава, а потом оттуда до неё дотянуться... Ладно, нечего рассиживаться, надо попробовать.

Встала и направилась к дереву. Вблизи оно оказалось не таким большим, как я сначала подумала, но делать нечего, надо лезть. Пришлось вспомнить детство и то, как мы с бра-

тнями лазали по деревьям, когда были маленькими. После третьей попытки, когда подошвы снова заскользили по коре, и я шмякнулась на землю, ободрав ладони, пришла к выводу, что обувь надо снять. Вообще-то длинное платье тоже ужасно мешало, поэтому верхнее платье я скинула, оно и так у меня одно, а после лазанья по деревьям станет вообще непригодным для носки, а подол исподнего обернула вокруг ног и завязала на манер мужских порток, чтоб ползти было удобнее и чтобы потом, когда буду свисать с ветки над озером, оно не сползло мне на лицо.

Без сапог стало лезть гораздо удобнее. Проблемы начались, когда я перелезла на нужную мне ветку. Она оказалась слишком тонкой и даже под моим небольшим весом стала гнуться. Но я продолжила ползти:

– Мне... нужна... эта... трава, – всё-таки день без еды лишил меня сил, ползти было тяжело.

Наконец я доползла до нужного места. Теперь нужно было каким-то образом свеситься с ветки, сменить положение и перестать удерживать своё тело над ней. Поэтому я слегка качнула бёдрами в сторону и... У-у-ух! И вот я вижу синее-синее небо вместо озера. Видимо, моей пятой точке уже давно хотелось стать ближе к озеру, раз она так резво меня перевесила. Так, дальше надо было как-то уговорить руки отцепиться от ветки и, удерживаясь за неё одними ногами, начать рвать одолень-траву. С руками почему-то договориться не получалось, они вцепились в дерево, будто тра-

веньский клещ в тёплое место, и никак не хотели отцепляться. Наконец я смогла с ними договориться, и моё тело резко ухнуло навстречу озеру.

– У-а-а-а!

Теперь я висела над озером вверх тормашками, а ветка, за которую я цеплялась ногами, отчаянно раскачивалась вверх-вниз. Мои руки то погружались в воду по локоть, то еле-еле доставали до неё. Некоторое время повисев без движения и дождавшись, пока ветка успокоится, я принялась за срывание травы. Это было довольно трудно, потому что стебли скользили и никак не хотели отрываться. Наконец я крепко уцепилась за стебель двумя руками и стала тянуть его на себя. Озеро стало приближаться. Я прекратила тянуть. Озеро всё ещё приближалось. Резко рванула стебель вверх и произошло сразу три события – трава поддалась и осталась у меня в руках, ветка не выдержала и с хрустом надломилась, я головой вперёд вошла в воду, при этом почему-то не переставая сжимать ногами ветку.

Отчаянно замахала руками, чтобы мир снова встал на своё место и дно озера оказалось под ногами, а не наоборот. Как выяснилось, если отпустить ветку, зажатую между ног, и начать ими дрыгать, то мир встанет на место гораздо быстрее. В конце концов моя голова очутилась над водой, и я смогла откашляться от озёрной воды.

– Вот ведь, лапти в разные стороны! Тьфу. Собрала травушки. Кстати...

Я снова нырнула в озеро, теперь намеренно. Вот убей не помню, надо срывать стебли травы или корни. Хотя, как можно в висячем положении сорвать корни, не знаю, но на всякий случай попробую хоть один корешок да вырвать.

Не знаю, сколько раз я ныряла и выныривала, чтобы глотнуть воздуха, но в какой-то момент этот упёртый корешок решил, что я упёртее, и сдался.

Стуча зубами от холода, я вышла из воды. Озеро было прохладным, а пока я воевала с травой, светило уже начало клониться к горизонту. Как смогла, отжала на себе исподнее, которое изрядно пострадало при добыче одолень-травы, и натянула поверх него сухое верхнее платье. В первые мгновения мне даже стало теплее, но потом и верхнее платье промокло, и от любого дуновения ветерка меня стал пробирать озноб. Добытую с таким трудом траву я завернула в подол исподнего. Было не очень удобно, зато не в руках нести.

– Надо бы поторопиться, а то светило зайдёт, совсем замёрзну. Или с пути собоюсь впотьмах.

Пошла к тому месту, на котором повстречала умопомешавшуюся черновласку, оттуда будет легче вспомнить, куда идти. Но, зайдя за деревья и углубившись в лес, я начала сомневаться, туда ли иду. Да уж, с проводником было гораздо проще найти дорогу. Но сейчас я вряд ли снова на него наткнусь.

Было холодно и зубы начали стучать, а ещё до ужаса хотелось есть. Раньше я никогда так надолго не оставалась без

еды. Возможно, стоило бы поискать каких-нибудь ягод, в конце концов, я же в лесу, но не хотелось сбиваться с пути и терять время.

Стало темнеть, или я просто ушла совсем в глубину леса, где кроны деревьев слишком плотно сбивались над головой. Сапоги, надетые на мокрые ноги, начали натирать. Прошла ещё немного и остановилась передохнуть. Поодаль росло огромное дерево, у подножия которого расположился плоский поросший мхом камень. Уселась на камень и прижалась к тёплому стволу дерева. Кажется, в какой-то момент я уснула от усталости, потому что – вот я сижу на камне, а вот я уже каким-то образом провалилась внутрь дерева.

– А-а-а, что?

Я оказалась наполовину в дереве, а наполовину по-прежнему на камне в лесу. Та половина, что с головой смотрела сейчас в потолок. Определённо это был потолок. Внутри дерева потолок! Повертела головой. Тут был стол, несколько стульев, лавка. В общем это был вполне себе дом. Дом – значит, тепло и еда! Пускай всё это в стволе столетнего дерева, сейчас это не столь важно. Та половина меня, что была на камне, быстро присоединилась к той, что внутри. Я затворила дверь, которая очень хорошо сливалась снаружи со стволом дерева. Если бы не ввалилась сюда случайно, ни за что бы не догадалась, что это дом.

Вопреки моим опасениям, в комнате по-прежнему было светло. Свет исходил от нескольких ламп и отражался ото

мха, покрывающего стены. Присмотревшись, я поняла, что в лампах находится множество светлячков, которые всё и освещали.

– Вот это да! Я будто в сказке.

Но от светлячков тепла не исходило, и поэтому я продолжала дрожать. Хозяина дома, видимо, не было, раз на моё наглое появление (или в моём случае это было вваливание?) никто не среагировал.

В обычной ситуации я бы никогда так не поступила, но сейчас это был почти вопрос жизни и смерти. Моей жизни и моей голодной и холодной смерти! Стала рыться в шкафчиках. И даже нашла ещё одну дверцу, ведущую в кладовую. Эту дверцу я была готова расцеловать. За ней нашлись солёные грибы и квашеная капуста. Опять же, в обычной ситуации это не совсем еда, это скорее закуска, но у меня была не обычная ситуация. Поэтому я наложила себе капусты и грибов в чашку, и стала искать, есть ли тут у хозяина какое-нибудь тёплое одеяло.

Одеяло нашлось. И теперь, укутавшись в него, я сидела на лавке и уплетала соленья.

– Ох, спасибо хозяину дома, век не забуду.

Теперь, когда я наелась, мне до ужаса захотелось пить. Пошарила взглядом по комнате в поисках воды. На полке стояла бутылка с жидкостью. Налила себе полную кружку и стала пить. После первого же глотка поняла, что это не вода. Из глаз брызнули слёзы.

– М-медовуха, кхе-кхе, – от крепости закашлялась.

Медовуха была какой-то странной, с непривычным вкусом и слишком крепкая, но я сделала ещё один осторожный глоточек, решив, что это поможет мне согреться. Подумав немного, выловила ещё грибочков и приговорила всю кружку медовухи, а потом ещё одну.

Мне стало тепло-тепло. Я наблюдала, как в лампе кружат светлячки, пока вся лампа не начала кружить вместе со столом. Потом и лавка, на которой я сидела, присоединилась к этому кружению. А через время вся комната стала кружиться и выписывать замысловатые повороты. Я представила, как выглядит это снаружи – большое старое дерево кружится в танце среди прочих лесных деревьев. Глупо хихикнув, повалилась на лавку и заснула.

***

На ноги мне кто-то сел.

– Эй, мне ж ими ходить ишшо, – пробормотала я.

С меня нагло содрали одеяло. Попыталась потянуть одеяло на себя, чтобы опять укрыться, но для этого пришлось подняться и разлепить глаза. Комната продолжала вращаться.

– Ммм, всё ще кржится, – установила я и опять закрыла глаза. Зачем их открытыми держать, если всё равно от этого кружения ничего не разглядеть?

– Эй, девка, ты тут откуда? – видимо, это спрашивало то кружащееся пятно, которое я успела разглядеть, пока мои глаза ещё были открытыми.

– Оттуда, – махнула рукой в сторону двери и прилегла обратно на лавку.

– Откуда оттуда? Ты как сюда попала? – вращающееся пятно всё никак не хотело уняться и потрясло меня за плечо.

Поняв, что оно так просто не отстанет, решила рассказать ему всё как есть: как я пошла к озеру, как на меня напало чудище, проводил Аука, пристала умодвинутая девка, как упала в воду, а потом заблудилась, замёрзла, проголодалась и совершенно случайно здесь очутилась. Я-то всё это решила, вот только мой язык решил иначе. Он и так-то иногда будто своей жизнью живёт, а после медовухи и подавно.

– Умпомешные все, грю. Я вот и ршила, не хчу я збальеть-т...

– Ты сколько выпила-то?

– Щущуть, я ток для сугреву. Бзиба, хзяин.

– Так, ты давай просыпайся-то, – он опять начал меня трясти, что ж меня всегда все трясут, – Ты живёшь-то где?

Пришлось опять подняться с лавки, открыть глаза и попытаться внятно поговорить с вращающимся пятном:

– Ммм. Нигде. Я у него должна была жить. А он оказался не он вовсе. А так же нельзя, понимаешь, кружащееся пятнышко?

На внятное выговаривание слов ушли все силы, поэтому

я, поставив локти на стол, положила голову на ладони. Так было проще всего её удерживать.

– Какой он? – кажется пятнышко стало терять терпение.

– Ну, Др..Драгомила эта... – голова стала стремиться всё ближе и ближе к столу.

– Фу-ты, ну-ты. Какая ещё Драгомила? И кто такой этот «он»?

– Ну, заклинах... неколдуч... чаровнарь... – мысли в голове стали путаться, а язык во рту как будто стал распухать, – Эу, пятныуко, пофмотый фто ф яыком, – высунув язык, я повернулась к доставучему пятну.

– Ох ты ж надо ж так! – вскричало оно, – Так ты у Драгоша-заклинателя живёшь?

Я сначала пожала плечами, а потом несколько раз кивнула. Видимо, это был правильный ответ, потому что через какое-то время передо мной появилась кружка с водой, и с вопросами ко мне больше не лезли и не трясли. Поэтому я положила голову прямо на стол и снова уснула.

***

Сквозь сон слышала, как кто-то вошёл в комнату.

– Дражек, хорошо, что пришёл. Смотри, твоя девица?

– Ох, язви её в душу. Я уж надеялся, что она в деревню вернулась. Как она здесь оказалась?

– А я почём знаю? Сегодня день такой заполошный, то

одно, то другое, набегался по лесу. Днём Ауке ушные компрессы делал, вечером ходил с водяником успокаивать жалицу, с ней срыв нервный приключился. А как вернулся, так девицу твою обнаружил.

– Твой дом же простой путник обнаружить не может.

– То-то и оно, что не может. Уж не знаю, как она тут очутилась.

– А меня-то звал зачем? Мог бы её отправить с Аукой.

– Ой, Дражек, тут такое дело... До медовухи моей она добралась.

– А медовуха опять с вытяжкой из мухоморов? Сколько раз я тебе говорил...

Тут у меня в ушах зашумело и я перестала слышать разговор. Шум всё никак не прекращался, и мне это очень не нравилось. Открыла глаза, кружение прекратилось, но всё по-прежнему оставалось размытым. На столе возле моей головы стояла лампа со светлячками. Начала её отталкивать, что было затруднительно, потому что пока я спала, рука без моего разрешения стала весить с десятков пудов. Еле-еле смогла столкнуть со стола лампу:

– Жужжт у меня в ушах, – язык опять не хотел нормально выговаривать слова.

Шум прекратился, и, снова засыпая, я слышала разговор.

– Чё эт с ней, Дражек? Мою любимую лампу вдребезги!

– Всё мухоморы твои!

Меня начали тормозить, прикладывая что-то прохладное

к лицу и рукам.

– Придётся её к тётке нести. Настойкой тирлича отпаивать.

– К Ягине-то? Зачем? Ты ж сам выращивал.

– Выращивал, пока одна девица не проехала по грядке сундуком.

В следующий раз я проснулась оттого, что меня несли. Это они зря, мир снова начал подпрыгивать и кружиться, так что я крепче закрыла глаза.

– Чего там с жалицей вашей приключилось? – голос был прямо над моим ухом.

– Позвал меня водяник, говорит, сладу с ней нет, рыдает.

– Так на то ж она и жалица, чтоб рыдать.

– Ага, токмо она не за милого рыдала, а за девку, на которую её чары не подействовали.

– Как не подействовали?

– А вот так. Говорит, та только смеялась да разумом говорила. Ни семечка ревности да жалости к себе в её душе зародить не смогла говорит. Ой, как она рыдала, насилиу успокоили.

Мир продолжал раскачиваться, и всё же укачал меня. Проснулась я от того, что голову мне приподняли и стали вливать в горло какую-то горькую жидкость.

– Пей-пей, девочка, легче станет, – голос был женский и приятный.

Я проглотила жидкость, и меня снова положили на подуш-

ки. Как же мне надоело засыпать и просыпаться! Строго-на-строга запретила себе спать. А то я так всё просплю! Вот уже женщина какая-то появилась, а я не знаю, кто такая и откуда. Мысли по-прежнему путались.

– Откуда ты её взял, Дражек? – до меня донёсся шёпот женщины.

Ага, то ли разбудить меня не хотят, то ли не хотят, чтоб разговор слышала. А значит, надо изо всех сил слух напрячь. Я даже потянулась на звук.

– Сама вчера вечером явилась ко мне на двор, в сундуке. В ответ женщина поцокала языком.

– Проклятье видел?

– Да, только понять не могу, как снять и кто больше страдает.

– Ну-ну. А что с твоими переговорами?

– Пока без особых успехов. Но нападений больше не было.

Мне стало интересно, о каких нападениях идёт речь, и я потянулась ещё больше в сторону говорящих, вот только не рассчитала, да и грохнулась с кровати.

– Ох, смотрю, очнулась твоя девица, забирай и иди.

В комнату вошла женщина, уже немолодая, но ещё не старуха. Вся в цветастой одежде, многослойной цветной юбке и красной рубаше, на голове был повязан концами назад такой же красный платок. От такого пестроцветия у меня зарябило в глазах, и голова опять закружилась. Я схватилась обеими руками за голову и зажмурилась.

– О-о-ох, очнуться очнулась, а в себя пока не пришла. Что ж, придётся тебе, Дражек, опять её нести. Не след вам тут больше оставаться.

Я хотела запротестовать, мол, не положено, чтоб девка девку на руках носила, но смогла только что-то невнятно промычать. А когда меня поднимали на руки, то и вовсе опять заснула.

Глава 5

Правда как оса, лезет в глаза

Осторожно открыла глаза. Почему осторожно и сама не поняла, будто ждала какой-то беды. Но никакой беды вроде не приключилось. Взгляд сам упал на дальнее окно, на котором сидел Малюта, как всегда, раскачивая ногой. Значит, я в доме заклинательницы. Интересно, как я тут очутилась? Помню только, как ввалилась в дерево и пыталась согреться медовухой. Ага, значит напилась так, что забыла весь путь обратно. Странно, но почему тогда голова совсем не болит? Только ломота какая-то в теле. Села на кровати. Ого! Да, я спала в этот раз в кровати, а не на лавке. Неужто меня приняли в этом доме?

– Очнулась, наконец-то, – рыжий как-то мрачно меня поприветствовал.

Неужели приступ странного страха у него так и не прошел? Вроде, когда я вчера уходила, с ним уже всё было нормально. И почему это я очнулась, а не проснулась?

– Доброе утро, Малюта, – голос хрипел.

– Какое уж утро, светило к горизонту клонится. Иди уж, там хозяин ждёт.

Чего это он меня ждёт? Странно как-то. Но раз ждёт, надо идти. Заклинатель или заклинательница, а всё равно страш-

но.

Вошла в ту комнату, где мы вчера завтракали. Драгомила по-прежнему была в мужской одежде. Ну да, чего бы это она вдруг в женское переоделась, она ж не знает, что я её тайну разгадала. И лучше пусть и не узнает, а то мало ли какая расправа меня за эту разгадку ждёт. Она сидела, откинувшись на спинку стула, а на руках у неё был...

– Ты-ы? Ты-ы-ы!

Ой, что-то я себе начинаю напоминать ополоумевших Драгомилу с черновлаской. Вот точно воздух в этом лесу на думалку влияет.

– Ты!!! – я ткнула пальцем в чёрного монстра, сидящего у заклинательницы на коленях. Как он там поместился, понятия не имею.

Видимо, чудище наконец-то поняло, что речь о нём, вскочило на стол и опять начало издавать жуткие шипящие звуки.

– Вот видите, Степан Игнатьевич, сколько бы вы кос ей не плели, а Варгин чувствует, что от неё напасть одна, – подала голос заклинательница.

Голос, кстати, был мужской. Но мало ли что там заклинатели себе наколдовать могут?

Я взметнула руки к голове и ощупала её. На ней было полным-полно мелких косичек. Никак Степан Игнатьич меня за кобылку принял, которой можно гриву заплетать? Ладно, оставим это на потом.

– Это жуткое чудовище напало на меня в лесу!

Вдруг это шипящее чудище перестало быть шипящим, развернулось к чаровнице, издало какой-то жалобный звук и протянуло вперёд перевязанную лапу. А затем ещё раз грозно на меня пошипело и вернулось на колени к Драгомиле.

– Так это ты травмировала бедного кота? Ну да, чего ж ещё от тебя ждать.

– Что? Кота? Это кот?! Это чудовище – кот? – это заявление меня потрясло настолько, что я не сразу обратила внимание на упоминание о травме. – Травмировала?!

Чудовище жалобно мяукнуло.

– Наглый притворщик! Враль! Брехло! Лжец! Обманщик! Палка до тебя даже не долетела! Да как вы можете верить коту?

– Мне стоит верить девке, которая нагло оккупировала территорию моего дома? – чаровница встала со своего места, согнав кота на пол, и начала надвигаться на меня, всё больше распалялась. – Той, что загубила бесценные экземпляры многолетних экспериментов? Той, что лишила слуха лесного духа? Довела до срыва жалицу, так что та людей бояться стала?! Ввалилась в дом к лешему, разграбила его запасы?! Да ты размеренную жизнь леса за один день с ног на голову поставила!

Теперь Драгомила стояла уже вплотную ко мне. Я задрала голову, посмотрела на чаровницу и тут заметила у неё под глазом здоровенный фингал.

– Ой! А что это у вас с глазом?

Она рыкнула на меня, отвернулась и направилась к выходу.

– Баня почти готова. Малюта, покажешь ей, куда идти, – кинула уходя.

– Малюта, а кто это так госпож...дина Драгоша разукрасил?

– Ты что, совсем ничего не помнишь? – он всё так же странно на меня смотрел.

– Нет.

– Ты сама, Желька, и треснула хозяина, когда он тебя переодеть хотел. Ещё и любодейкой почему-то при этом назвала.

– А?

Я в ужасе захлопнула ладонями рот. Я такое сделала? Мало того что ударила заклинательницу, так ещё и чуть ли прямым текстом выдала, что знаю её тайну.

– А зачем меня раздевать-то? – я наконец-то отлепила руки от лица.

– Так ты ж мокрая совсем была! Как не заболела непонятно вообще.

Ощупала платье. И вправду, до сих пор влажное после моего купания в озере. Ну, не заболела я, потому что у меня в подоле одолень-трава замотана. Это ж лучший оберег от любой болезни. Ну и медовуха помогла.

– Ох, как хозяин злился на тебя, Желька. Не знаю, чего ты

там натворила, но, когда ты ему кулаком в глаз дала, он что-то о твоём рукоблудстве говорил.

Моем руко... что? Что ж я вытворяла-то? Ох, вот ведь лапти в разные стороны, надо ж было так напиться.

– В общем, ты лучше пока хозяину на глаза не попадайся. Пойдём, я тебя в баню отведу.

***

Баня была растоплена на славу. Как же это было кстати, а то я после вчерашнего пахну уж больно неприятно. И только я, стоя в предбаннике, задумалась о том, во что мне переодеться потом, как Малюта вернулся с одеждой.

– Вот, хозяин сказал тебе передать. Мужское хоть большое тебе будет, но другого нет ничего.

– Передай спасибо.

Малюта кивнул и убежал.

Я разделась и пошла париться. Жаль, что веником меня пропарить некому. Малюту не попросишь, Драгомилу тем более. Во-первых, зла она на меня, во-вторых, тут уж сразу секрет её раскроется. Ладно, придётся самой, вот только надо веник сначала распарить. Положила его в бадью с тёплой водой. Собралась плеснуть туда кипятка. Наполнив ковш, повернулась к бадье и на чём-то поскользнулась. Пытаясь удержать равновесие, взмахнула обеими руками. Горячая вода из ковша взмыла вверх и выплеснулась за спи-

ну. Испугавшись, что обожгусь, выпустила ковш из руки, и он тоже полетел вслед за выплеснувшейся водой. В тот же миг позади меня кто-то высоко взвизгнул, заорал нечеловеческим голосом. Следом последовал глухой удар. Это, видимо, на что-то приземлился ковшик. За этим прозвучал ещё один душераздирающий визг, потом что-то обо что-то стукнулось, хлопнула дверь, и стало тихо. От страха у меня затряслись руки, а ноги подкосились. Я осела на пол. Несмотря на то что звуки прекратились, оборачиваться было страшно. А установившаяся после громкого тарарама тишина пугала ещё больше.

Не знаю, сколько я так просидела, но от жары у меня начала кружиться голова, хоть на полу и было не в пример прохладнее. Не вставая с пола, подтянула к себе кадку с водой. Нужно быстро ополоснуться и уходить отсюда, пёс с ним, с веником! Не осилю я сегодня нормальную баню.

Так, ползая на четвереньках, кое-как закончила с помывкой и выползла в предбанник. Здесь было гораздо прохладнее, но голова продолжала кружиться, и в глазах начало темнеть. Кое-как натянула на себя рубаху, принесённую Малютой. Надевать ещё и штаны сил не было, поэтому я схватила в охапку все вещи и вышла на улицу.

Сев на крылечке бани, с удовольствием ощутила ветерок на своей распаренной коже. Всё-таки как хорошо вымыться! Особенно после купания в озере и последующей прогулки по лесу. Посидев ещё немножко и слегка придя в себя, я

выудила из кучи своих вещей нижнее платье, развязала подол и вытащила с таким трудом добытую одолень-траву. Переложив её к чаровническим штанам, решила, что пора идти в дом, хотя делать этого совершенно не хотелось. Во-первых, Малюта советовал не попадаться на глаза Драгомиле, во-вторых, я так и не решила, что мне делать, учитывая разгаданную мною тайну. Поэтому решила сначала выстирать свои платья. Ну в самом деле, не ходить же мне в мужских тряпках, которые к тому же до ужаса велики! Быстро справившись с задачей, осмотрела двор. Вещи развешивать было решительно негде. Да где же, в самом деле, заклинательница сушит одежду? Пришлось повесить оба платья на яблоню, которая росла рядом с баней.

Медленно побрела к дому. Уже у самой двери услышала какие-то странные завывания. Их прервал голос чаровницы:

– И что же вы, друг мой, вылезли из своего укрытия? Вы же знаете, что ваше время после полуночи!

– Так это... Тавось-этакось... Девка ж.... – ответил ей скрипучий голос и снова завыл.

Вой этот показался мне знакомым. Именно он до дрожи перепугал меня в бане.

– Ну, девка и что?

– В моей бане, тавось-этакось. Раньше не было в бане девок. Решил глянуть, одним глазком-то, тавось-этакось. У-у-у.

– Угу, теперь долго будете только одним глазком глядеть.

Пока ожог и шишка не сойдут.

Ой, что-то мне подсказывает, что я тут опять каким-то боком виноватая окажусь, и винить во всём меня будут. Может, стоит пойти прогуляться? Или ещё постоять послушать?

– Дражек, миланькой, беда, а не девка ж это! Убить меня хотела, как есть убить! А я ж только поглядеть, я ж ничего такого!

– Вот уроком вам будет! Вы за банькой своей следите, а не на девок заглядываетесь!

– Та я ж чуток. Ну отродясь в моей бане не было их.

Как же отродясь? А чаровница? Или не положено им в бане мыться, может, обряды какие? Или банник, а я так поняла, что это был именно он, её в расчёт не берёт? Конечно, за заклинительницей подглядывать себе дороже.

Из дома послышался шум отодвигаемых стульев, и я поспешила отойти подальше от дверей. Пожалуй, погуляю пока по саду, авось Драгомила куда-нибудь уйдет.

В саду росли яблони, видимо те самые, с молодильными яблоками. Вообще, кажется, у чаровницы какие-то особенные отношения с яблонями – и в саду они растут, и возле бани. Побродив вокруг деревьев, я заскучала. Может, обойти все владения заклинительницы, посмотреть, что тут ещё есть? Правда, боязно как-то. У неё тут куда ни шагни, везде духи – домовик, банник... А ведь Малюта мне говорил, только я забыла, оттого и перепугалась так в бане.

Пока размышляла, ноги сами привели меня к небольшой

постройке поодаль от дома. Оглянувшись и убедившись, что Драгомилы рядом нет, я открыла дверь и вошла внутрь. Помещение было небольшим, здесь стоял только большой стол, буфет, широкая лавка, пара стульев и печка.

– Летняя кухня, – неожиданно за мной раздался голос.

Несмотря на то что я узнала голос рыжего, всё равно подпрыгнула от неожиданности.

– Нельзя же так подкрадываться!

– Скажи спасибо, что это я, а не хозяин. И что он утром убрал отсюда все свои склянки, отвары и всё прочее, над чем работал последнее время, – Малюта уселся на буфет и начал раскачивать ногой, – Обычно хозяин использует эту кухню для работы.

– Ммм, – многозначительно промычала, усаживаясь на лавку.

– Ты чего тут разнюхивала?

– Ничего я не разнюхивала, ты сам сказал хозяину на глаза лишний раз не попадаться, вот я в дом и не пошла. К тому же он опять злой, кажется.

– А-а-а, слышала, как он банника распинал? – ухмыльнувшись малой, а потом, посерьёзнев, спросил, – Жель, а банника ты избила за то, что подглядывал, да? Подглядывание – это, конечно, нехорошо, но ты же понимаешь, что вход в нашу баню тебе закрыт? Дед Тимофей тебя на порог теперь не пустит, он, может, и не злобливый, но обидчивый до ужаса.

Я открыла было рот, чтоб возмутиться, но передумала.

Нет, ну почему у меня всегда так получается? Вроде и не сделала ничего, а уже кругом виноватая! И ведь всегда так со мной, сколько себя помню! Иногда мне даже кажется, что вся эта история с уплатой долга, спасением моего брата и всем остальным была тщательно спланирована дядей, чтобы от меня избавиться. Нет, дядя и братья меня любили, в этом я ни капельки не сомневалась, но ведь я всегда попадала в какие-то дурацкие передряги.

– Малют... Не избивала я его. Поскользнулась и ковш сам отлетел в сторону. С кипятком вместе. Я даже не знала, что не одна. И так перепугалась, когда крик за спиной услышала... – тихо выдавила из себя.

Рыжий скорчил недоверчивую мордочку, но кивнул.

– Ладно, Жель, пойдём в дом. Хозяин ушёл.

***

Я так и не придумала, что мне делать. Ведь то, что Драгомила разрешила мне одну ночь поспать в её доме, выдала одежду и растопила баню, не значит, что она мне здесь рада и готова терпеть. Опять же, я не знаю, что мне здесь делать. Весь вчерашний запал куда-то пропал. Тогда я была уверена, что господин Драгош не откажется от меня, что примет, если не как жену, то как помощницу. Жену... Ну да, я никогда особо в это не верила, приданого у меня нет, да и вообще я... «худая, бледная, мабуть, помрет скоро», как говори-

ла старая дядькина мать, баба Прося. Мне вообще кажется, что баба Прося была бы рада, если б так и случилось, и я в скором времени померла. Страсть как меня она не любила. То ли потому что я всегда звала её бабой Просей вместо того, чтобы называть её, как она настаивала, Апраксеей Андрогостовой. Это ж язык сломать можно! Правда, не любила она меня ещё и за тот случай, когда я вёсен в десять, по её же настоянию, осталась ночевать в её доме, чтобы утром подоить коров. Мне в ту ночь не спалось ужасно, вот я и решила побродить по двору, несмотря на морозящий дождь. Заглянула в амбар, полазила по ларям, расчихалась, измазалась в муке и решила пойти обратно. Углядела прислонённую к стене амбара косу. Видно, братья днём, когда помогали бабе Просе расчищать задний двор от травы, так и не убрали инструмент на место. Решила отнести косу в сарай, чтоб она не мокла под дождем и не ржавела. В общем, шла я к сараю, который по другую сторону от дома, косу на плечо закинув, радовалась тому, что дождик кончился, даже луна чуть-чуть показалась, только ещё временами где-то вдалеке гремел гром. И вот надо было именно в этот момент бабе Просе открыть дверь и выглянуть наружу. Я повернулась на скрип двери, в этот момент опять гроыхнуло и сверкнула молния. Баба Прося заорала так, что перебудила всех ближайших соседей. Я даже не сразу поняла, что это она не из-за грозы так перепугалась, а из-за того, что я бледная, с лицом в муке, стояла напротив дверей с косой в руках, да вкупе

со сверкающими молниями. В общем, баба Прося решила, что смерть с косой за ней пришла. Почему бы к ней смерть пришла в виде маленькой щупленькой девочки, непонятно. Странная она. Но с тех пор на порог дома своего она меня не пускала, да и дяде вечно плешь проедала, что дескать, я – зло во плоти и зря он меня приютил.

Так, о чём это я? Ах да, о том, что были у меня мысли на счёт того, что я к заклинателю на правах жены попаду. Не мои то мысли были. Это всё брат мой. Тот самый, за спасение которого мною и расплатились. Мстислав. Мстятя. Самый мой любимый братец. Единственный, кого мне не хватало все эти дни. Может, если бы долг нужно было бы платить за спасение кого другого, то я бы брыкалась и сопротивлялась. Но за Мстятю я готова была и в огонь, и в воду. Он, глупенький, меня ещё и успокаивал, мол, не бойся, ты девочка умненькая, хоть и неудачливая, полюбит тебя заклинатель и в жёны возьмёт. Это у Мстяты, видать, на почве собственной скорой свадьбы все мысли о женитьбе были. Всё прочил меня заклинателю в жены. И нахваливал его ещё. Говорил, мол, не чета господин Драгош нашим деревенским хлопцам, которые меня за версту обходили да через плечо сплёвывали. Ну да, деревенские меня давно лихом прозвали и сторонились. Если б не Мстятя, то у меня и вовсе друзей не было. И он же убеждал меня в том, что я заклинателя обогрею, обласкаю, блинами-пирогам заманю, так что тот меня с радостью в жёны возьмёт. Я тогда ещё думала, с чего это вдруг

мне так захотеть замуж за старца, чтоб аж заманивать его пришлось? Теперь-то знаю, что заклинатель вовсе не старик, но вот только он и сам кого хочешь обогреет да блинами накормит...

Я соскочила со стула, чем напугала Малюту. Он, видимо, думал, что я уже задремала.

– А не заварить ли мне взвара?

Все эти мысли о блинах напомнили мне о том, что у меня есть одолень-травка. Она, конечно, меня оберегает от всяких болезней, но вот если её заварить и напоить этим отваром и себя и всех больных, то не надо будет постоянно её носить с собой.

Пока я крутилась возле горшочка, в который накрошила одолень-травы, листья мяты, малины и вишни, которые нашла, пользуясь подсказками Малюты, и заливала это всё кипятком, рыжий куда-то убежал. Вернулся с тарелкой пирожков.

– Остались со вчера, – пояснил он, засовывая их в печь, чтобы погреть.

В общем, к моменту, когда появилась хозяйка дома, на столе уже стояли кружки с ароматным взваром, а я доставала тёплые пирожки из печи. Обернувшись, увидела Драгомилу, странно глядящую на мои голые ноги. Ну да, штаны я так и не надела, потому что я в них мигом запутаюсь и упаду, с моей-то везучестью. Осторожно подвинула кружку с целебным отваром в сторону Драгомилы. Она продолжала стран-

но на меня смотреть, но за стол села. Я вся чуть не задрожала от напряжения, когда она взяла кружку в руки и собралась сделать глоток. Может, с одного раза её умопомешательство и не пройдёт, но можно же будет и повторить. Травы у меня ещё немного осталось.

Заклинательница сделала глоток и тут же выплюнула отвар, откашливаясь:

– Какого...?! – остаток фразы я не услышала из-за того, что её заглушил звук разбитой кружки, которую Драгомила с размаху запустила в стену за моей спиной.

Я втянула голову в плечи и округлившимися от страха глазами смотрела на фигуру, приближающуюся ко мне. От неожиданности даже забыла проглотить отвар, который уже набрала в рот. Кто ж знал, что она так отреагирует на лечение? Видимо, случай совсем запущенный, и без лекаря тут не обойтись. Куда уж мне, маленькой деревенской девчонке, которую только что легко сдёрнули со стула, против такого сильного безумия? Заклинательница схватила меня за грудки и подняла так, что наши глаза оказались на одном уровне.

– Совсем страх потеряла?! Сама додумалась или подсказал кто? – на меня пристально смотрели чёрные глаза, не скрывающие гнева и ненависти.

Я боялась что-либо сказать, к тому же отвар всё ещё был у меня во рту. Я просто-напросто боялась его проглотить, потому что меня всё время встряхивали. Так ведь и подавиться недолго! Опустив глаза, продолжила безвольно висеть в

руках заклинательницы. В чём в чём, а в силе ей точно не откажешь.

– Ну, конечно, чего ещё ждать от такой, как ты! Понятно теперь, зачем ты вчера на озеро ходила. А я всё думал, чего ж вчера вечером ты руки при себе удержать не могла, всего меня ощупала? А это ты так меня соблазнить пыталась!

– Ммм?

Я опять подняла глаза. Вкус отвара усилил безумие, что ли? И когда я успела кого-то ощупать? Неужто, кроме того, как фингал Драгомиле поставила, я ещё чего-то не помню?

– Не надо мне теперь из себя оскорбленную невинность строить! Что, поняла, что ты здесь никому не нужна, и решила напролом идти? Думаешь, я такой дурак? Думаешь, первая такая на мою голову?! Мало того, что ногами голыми тут отсвечиваешь, вертихвостка, так ещё и зельем приворотным меня решила напоить, а?!

Меня опять хорошенько потрянули, и вот тут я уже не выдержала и выплюнула отвар. К моему ужасу, часть жидкости попала на и без того взбешённую заклинательницу.

– К-какое з-зелье?

Я ошарашенно смотрела, как капельки жидкости стекают по лицу Драгомилы, а та и не думает отпускать меня из рук, чтобы хоть как-то утереться.

– Поздно строить из себя дурочку! Да ты же буквально в рот мне заглядывала, ждала, пока я его выпью!

Я уже вообще ровным счётом ничего не понимала. Что

произошло? Как это произошло? Я же всего лишь хотела сделать отвар, чтобы помочь ей с её умопомешательством. Ведь все знают, что одолень-трава – она от хворей всяческих! Какое зелье? Какой приворот? И зачем мне приворожённая чародейка? Что мне с ней делать?

Я молчала и ошарашенно следила, как капли отвара стекают и собираются в одну большую на подбородке Драгомилы. Она наконец-то поставила меня на ноги, но не отпустила. Запрокинув голову к потолку, издала какой-то утробный звук и продолжила:

– Нет, я всё-таки дурак! Сначала решил, будто ты тут появилась, чтоб со свету меня сжить, а всё оказалось до банального просто!

Я молча продолжала следить, как капля стекла с её подбородка, потекла по горлу, оставляя за собой мокрый след. На секунду она задержалась на кадыке и проследовала дальше.

Я дёрнулась в руках заклинателя и зажала рот руками, чтобы не закричать. Да-да, ёлки, какая же я дура! Это всё-таки заклинатель! У заклинательницы точно не может быть кадыка. И плюс к этому осознанию я внезапно вспомнила, что вчера делала и говорила!

Глава 6

Сон правду скажет, да не всякому

Тяжёлое горячее дыхание вырывалось сквозь стиснутые зубы мужчины. Пот струился по его вискам, влажные чёрные волосы налипли на лоб. Рубаха, скинутая им несколько мгновений назад, валялась на земле.

– Чёрт, – почти простонал он, – почему я не сделал этого раньше?

С каждым его движением под загорелой кожей спины и рук чётко вырисовывались мышцы. Капельки пота стекали по жилистому телу.

– Я.. дурак, – это был не очень подходящий момент для разговора, но ему отчаянно хотелось высказаться прямо сейчас, хотя из-за сбившегося дыхания говорить было трудно.

– Нужно было это сделать сразу же, как только это желание родилось во мне. Не нужно было ждать. Не стоило позволять ему разъедать изнутри! Меня ведь буквально трясло от этой непреодолимой тяги, – на время он замер, взглянул на девушку, а потом продолжил движения, – А когда ты с таким остервенением ощупывала мою грудь и плела что-то о том, что для такой бабы, как я, грудь маловата? Бабы! Сомневалась в моей мужественности? Вот именно тогда мне и нужно было это сделать! Но я почему-то терпел аж до сего-

дняшнего дня!

Мужчина замер, склонил голову и хрипло продолжил:

– Всегда знал, что не стоит отказывать себе в маленьких радостях. Думаю, это очень символично – сделать это на той самой, загубленной тобой, грядке.

Мужчина ухмыльнулся и посмотрел на девушку. Она тряпичной куклой лежала на земле. Белая рубаха высоко задрана и местами испачкана грязью. Бледное лицо обрамляли мягкие тёмно-русые волосы. На фоне всей её бледности выделялась только ярко-алая струйка крови из носа.

Мужчина небрежно столкнул тело девушки в свежевyrытую яму.

– Давно мне следовало тебя прибить, несносная девка!

Я дёрнулась и открыла глаза. Приснится же такой ужас! От пережитого кошмара рубаха прилипла к телу, меня колотила мелкая дрожь. Конечно, ничего удивительного в том, что мне приснилось, как господин Драгош закапывает моё тело, предварительно лишив меня жизни, нет. Ведь я была почти уверена, что после всего, что я сделала, да ещё и умудрившись вместо отвара от болезни сделать приворотное зелье, он меня либо придушит, либо пришибёт тем, что первым попадётся под руку. Я ведь и вправду после того, как напилась медовухи, пыталась нащупать у него признаки того, что он баба. Всегда я отличалась небольшим количеством ума, а после выпитого, видно, разум совсем меня покинул! А когда уже в доме он уложил меня на кровать и пытался пе-

реодеть, я с чего-то двинула ему в глаз. С чего это я вообще? Я же была уверена, что он не мужчина, так чего я застеснялась? Сама себя не понимаю! Тогда он отскочил от меня как ошпаренный, наткнулся на стену, и с неё упала висевшая там картина. И вот надо было мне в тот момент ещё и выдать:

– Мужика в этом доме не хватает, чтоб хоть гвоздь нормально забил.

Ну и дура же я! Как есть дура! Такое мужику сказать! Мне ли не знать, что подобное им говорить ну никак нельзя! Я же столько лет прожила с братьями и дядькой! Да к тому же это не просто мужик, а заклинатель.

Так что сну своему я уж точно не должна удивляться. Больше меня беспокоит, чтобы сон не был в руку. А ну как вещей? Меня затрясло ещё больше.

– В море-океане, на острове Буяне, лежит камень Алатырь. Плохие сны отгоняет, добрые привечает. Куда ночь уходит, туда злые сны отводит, – прошептала я, глядя в окно, как когда-то в детстве учил меня Мстятя.

Я снова легла на лавку и закрыла глаза, надеясь, что мне удастся ещё поспать, и на этот раз без кошмаров.

***

Проснулась оттого, что лучи светила били в глаза через незанавешенное окно. Осознание того, что вчера произошло, заставило меня застонать. Вчера разозлившийся до

предела господин Драгош вывел меня из своего дома, завёл на летнюю кухню и хлопнул дверью перед моим лицом. Через время дверь снова отворилась, он кинул мне покрывало и сказал, чтобы я оставалась здесь. Так что спала я на лавке в той самой кухне.

На столе передо мной стояла кружка со взваром и блюдо с пирогами. Еда напоминала о том, что вчера произошло, и оттого есть совсем не хотелось.

Я подошла к двери, но оказалось, что та заперта.

– Ох ты ж! Это что ж получается? Я теперь отсюда и выйти не смогу?

Походив из угла в угол, косясь на стол с едой, я всё-таки решила позавтракать. Если бы заклинатель хотел меня убить, убил бы ещё вчера. А так даже о еде побеспокоился. Вот взвар даже горячий ещё, значит, совсем недавно тут был кто-то.

А вдруг он решил меня отравить, чтобы подозрения отвести, вроде как сама убилась? От этой мысли я закашлялась и сурово посмотрела на надкушенный пирожок. Он был такой румяный, манил меня своим капустным нутром. Эх, есть-то, оказывается, ужасно хочется! Плюнув на свои подозрения, я продолжила жевать.

Когда с завтраком было покончено, ещё раз проверила дверь. Заперто. За окном никого нет, видно только кусочек сада и двор.

Интересно, надолго ли меня тут закрыли? И зачем? Чтобы

больше не варила зелья? Так я вроде и не собиралась.

Было ужасно скучно, поэтому через время я опять улеглась на лавку и меня сморило.

Проснувшись, обнаружила, что ко мне опять кто-то заходил, потому что на смену взвару и пирожкам пришла тарелка щей и пара кусков хлеба. Вскочив, побежала к двери. По-прежнему заперто. Значит, отравить меня не хотят, голодом заморить – тоже, а вот из кухни выпускать не желают. «Ну, что ж, лучше посидеть взаперти, чем помереть от руки осерчавшего заклинателя» – подумала я, принимаясь за щи.

Через некоторое время я поняла одну простую вещь. Может быть, заклинатель и не хотел, чтоб я умерла от его рук, сжимающих мою шею, от отравленной еды или голода. Но он явно хотел, чтоб я умерла. Умерла от стыда, ибо после всего съеденного и выпитого мне отчаянно нужен был туалет! А его здесь нет! Конечно, откуда ему здесь взяться? Это ж кухня!

Прошлась по комнате, проверив все окна, подёргала дверь – пути к побегу в нужник не нашлись. Пришлось мерить помещение шагами, чтоб раньше времени не обмочиться. Э нет! Так дело не пойдёт. Что значит «раньше времени»? Что за мысли такие? Будто будет подходящее время для этого!

Я подбежала к двери, начала дёргать, пинать ногами и кричать:

– Эй-эй-эй! Ау-у-у! Господин добрый закли-а-атель! Малютушка-а-а! Кто-нибу-у-удь!

Кричать пришлось довольно долго. Так что я уже думала, что пришло уже моё «подходящее время», как из-за двери послышался голос Малюты.

– Жель, чего орёшь? Хозяина нет. Оставил наказ тебя не выпускать, ты уж прости.

– Малю-ю-ютушка, – пропела я, переминаясь с ноги на ногу, – а хозяин, добрейший души человек, чтоб ему икнулось раз сто, не наказал тебе, ну, к примеру, ведро мне оставить?

– Зачем тебе ведро, Желя?

– Ну, может не ведро, а горшок какой!

– Горшок?

Нет, ну чего я тут иносказаниями занимаюсь? Ещё чуть-чуть, и никакой горшок меня уже не спасёт.

– Выпусти меня сейчас же! Мне срочно нужен туалет!

То ли на Малюту подействовала сила моего голоса, то ли он представил, что может произойти, если меня не выпустить... Но дверь он открыл молниеносно. Я быстро выскочила из своего заточения:

– Куда?!

Думаю, по моему безумному взгляду было понятно, что дело срочное. Малюта тут же ткнул пальцем в нужную сторону.

Лицо расплылось в улыбке, когда я вышла из нужника. Рыжий ждал меня снаружи.

– Жель. Ты это... Вернись в кухню, а то хозяин мне голову открутит. Он строго-настрого запретил тебя выпускать. И

вообще с тобой разговаривать, — на последних словах мелкий опустил голову и начал шаркать ножкой.

Опять сидеть взаперти мне ужасно не хотелось, но и подставлять Малюту под удар тоже. К тому же я была настолько ему благодарна, что, смирившись со своей участью, пошла обратно на кухню.

— Вот говорят, что заклинатели — мудрые люди, а тебе, Малюта, достался какой-то испорченный. Или у заклинателей какой другой уклад жизни? Такой, что им туалет не надобен, а?

Рыжий только вздохнул и закрыл за мной дверь.

— Ну, здравствуй, кухонька, давно не виделись! — ляпнула я.

От лежания на лавке уже болели бока, и я решила исследовать шкафчик, стоявший у стены. Ничего интересного там не было. Кружки, тарелки, кувшин и несколько ложек. Достав ложки, я попыталась выбить ими какую-нибудь мелодию. Получалось плохо, но я очень старалась. Когда мне это надоело, я всё-таки вернулась на лавку. Как только присела на неё, глаза тут же стали слипаться. Да что не так с ней? Неужто Драгош наслал на неё заклинательское сонное проклятье? Чтоб я всё время спала? Что за коварство! Додумать я не успела, провалившись в сон.

Один раз проснулась среди ночи, увидела на столе какую-то новую еду, но вставать не захотела, перевернулась на другой бок и уснула.

Утром всё повторилось. Завтрак на столе. Закрытая дверь. Мои крики и зов Малюты.

Рыжий не заставил себя долго ждать.

– Жель, только туда и обратно, пока хозяина нет. Мне надо срочно к лесовику сбегать, но ты вернись на кухню, пожа-а-алуйста.

Я согласно кивнула и умчалась в туалет.

А вот на обратном пути в дверях кухни меня ждала внезапность. И внезапность эта щерила на меня пасть и шипела.

– В-варгин...

Отступила на шаг. Нет, ну кто придумал назвать это чудовище мохнатое котом? Да он же с Малюту ростом и это на четырёх лапах! А глазища какие огромные! Сделала ещё пару шагов назад.

– Кис-кис? – он прижал уши к голове и зашипел громче. – Нет? Ну ладно, у меня тут дела, пойду-ка я, пожалуй.

Развернулась и быстрым шагом, не оглядываясь, пошла к бане. Нет, мыться мне не хотелось, памятуя нашу встречу с банником, а вот платья свои с дерева стоит забрать. Я и так уже несколько дней в мужской рубаше хожу.

К счастью, платья оказались на месте. Сняв их, вернулась к кухне, но там по-прежнему в дверях сидел Варгин-кот. На этот раз не шипел, а просто умывался. Но я не стала рисковать и пытаться пройти мимо него.

Присела на скамеечку в тенёчке, возле кухни. Придётся ждать, пока Малюта вернётся. Ну, или господин Драгош.

Вообще здорово заклинитель придумал везде у себя во дворе скамеечки ставить и столики. И на веранде у дома стоят и тут. Я подпёрла щёку рукой с зажатыми в ней платьями и прикрыла глаза. В последнее время сплю и сплю, а глаза всё равно сами собой закрываются.

Почувствовав, что кто-то тянет из моей руки платье, я открыла глаза, подпрыгнула на лавке и дёрнулась. Напротив меня сидело чучело. Соломенное чучело женщины, такое, как сжигают на Масленицу. Только сейчас оно сидело напротив меня, подпирало щёку одной соломенной рукой, а другой пыталось стащить у меня платье.

Когда первый испуг слегка сошёл, я начала разглядывать свою гостью. Это определённо была она. Хотя последнее время у меня есть проблемы с определением мужчин и женщин. Головой ей служил полотняный мешок, набитый соломой, которая кое-где торчала из ткани. На нём были вышиты большие зелёные глаза и красные губы, которые как будто слегка улыбались. Щёки когда-то были намалёваны свёклой, а брови углем, но сейчас от этого остался лишь небольшой след. Ещё на голове был повязан выцветший платок, из-под которого виднелся другой.

У чучела были довольно большие груди, которые не давали возможности ошибиться в её причастности к женскому полу. И на эти груди и её соломенное тело в целом был натянут голубой сарафан. Мой сарафан! Тот самый, что был в свёртке, который мои братья должны были оставить рядом

с сундуком! Значит, вот кто стащил все мои вещи! А ещё к единственному оставшемуся у меня платью ручки свои соломенные тянет! Крадунья! Кстати, из-под сарафана выглядывало какое-то цветастое платье и кажется даже не одно. Что-то подсказывало мне, что там есть ещё парочка моих вещей. Да уж, вкус у этой соломенной воровки тот ещё. Или она живёт по принципу – всё, что имею, ношу на себе. Что, конечно, правильно, ежели по округе ходят всякие расхитчики чужого тряпья. И неважно, что она как раз одна из них.

Соломенная тряпичница опять потянулась к зажатому в моей руке платью. Смотрелось это жутко. Только представьте: бессловесное чучело с пугающей улыбкой на тряпичном лице тянет к вам свои руки.

– Су... сударыня, чего ж вы ручки-то свои ко мне протягиваете? Не люблю я этого! – наконец смогла из себя выдавить.

Чучело замерло, склонило на одну сторону голову, будто присматриваясь, потом ткнуло пальцем в сторону моих платьев, затем себе в грудь. Это что? Мол, я ей должна оставшиеся вещи отдать? Ага, разбежалась!

– Сударыня, вы и так в моём сарафане, а возможно, и не в одном!

Я начала злиться. Я, значит, тут в чужой мужской рубаше, а она в моих платьях! И ещё хочет? Вот наглая соломенная расхитительница!

– Ты бы сарафанчик-то вернула!

Я вскочила со скамьи и только собралась вцепиться в эту воруху, чтоб забрать свои вещи, как на дворе появился запыхавшийся Малюта.

– О, Жель, уже познакомилась с бабой Мартой? – он подбежал к чучелу и наспех её приобнял. – Здравсьте, баб Март! Давно вас не видно было. Отлично выглядите! Новое платье? Вам идёт!

При этих словах я аж задохнулась от ярости:

– Это моё платье!

Малюта, видимо, услышал в моем голосе злобу или почувствовал, что сейчас я прыгну на эту вороватую бабу Марту и начну сдирать с неё мои одёжки, поэтому начал толкать меня в сторону кухни. Выглядело это довольно забавно, учитывая, что доставал он мне разве что до коленки. Но я вдруг почувствовала ужасную усталость и лишь поэтому поддалась рыжему. Уже в дверях он спросил:

– Ты чего не вернулась сразу?

– Тут Варгин шипел на меня, не пускал, – буркнула я. – Эта ваша баба Марта спёрла мою одежду, которую мне с собой передали, и ещё оставшееся платье хотела утащить! Чего это твой хозяин привечает всяких крадунниц, а на меня зуб точит? Я, между прочим, ничего не воровала!

Малюта устало вздохнул и привалился к косяку:

– Баба Марта неплохая, Жель. Она прошлой весной первый раз появилась у нас на дворе. Вроде сбегала из какой-то деревни, когда её на Масленицу сжечь хотели.

А ведь и вправду, в том году дошли до нашей деревни слухи, что у соседей прямо перед празднеством чучело пропало. И якобы один из мужиков божился, что видел, как оно убегало. Тогда все решили, что он медовухи перепил и ему с пьяных глаз привиделось.

– Хозяин тогда сказал, что кто-то из деревенских перестарался с её очеловечиванием и умудрился в неё жизнь вложить, совсем чуть-чуть, но всё-таки. В общем, он тогда жутко поругался с деревенскими, и бабу Марту им не выдал. Сказал, что её теперь спалить – это же самое, что живого человека убить, хоть она и соломенная.

Я внимательно слушала, что мне говорил Малюта. Значит, убивать людей для заклинателя – запрет... Что ж, можно вздохнуть спокойно, он меня скорее всего не убьёт. Если я, конечно, для него рангом не ниже соломенного чучела.

– А чего ваша баба Марта так равнодушна к моей одежде?

– Не только к твоей. Ты же знаешь, на Масленицу чучело одевают в старое тряпье, иногда в этом и одежду-то трудно распознать. Ну вот, баба Марта как очеловечилась, какглянула на себя, так у неё на этой почве этот... как его... комплекс развился, так хозяин сказал.

– Пусть припарки делает, помогает, говорят, – попыталась я перебить Малюту, но он строго на меня посмотрел и продолжил.

– Хозяин сказал, это пройдёт, особенно если её не оби-

жать. Так что ты не серчай на неё, Жель.

Издалека слышался какой-то шум.

– Хозяин! – Малюта толкнул меня глубже в кухню и захлопнул дверь.

Что ж, хоть что-то приключилось, пока я в заточении. А то только сон да еда. Кстати, насчёт сна. Усталость, возникающая при общении с бабой Мартой, никуда не делась, так что пришлось плестись к лавке, чтобы прилечь. Вообще, такое ощущение, что с тех пор, как я попала к господину Драгошу, я только и делаю, что сплю.

***

Мне опять снился кошмар, только теперь уже с участием бабы Марты. Я вскочила с лавки, тяжело дыша. Было уже утро. Взгляд как-то сразу метнулся в сторону двери. Видимо, это стало уже привычкой – проснуться и пойти проверить дверь. Но на этот раз в проходе кто-то стоял. Ещё не совсем отойдя ото сна, я вскрикнула и прижалась к стене.

– Тихо, девочка, я тебя не трону, – проговорил мягкий женский голос.

Где-то я его уже слышала.

Женщина подошла ко мне ближе и уселась на стул, стоявший у стола. Смутно стала припоминать, где я её уже видела. Кажется, это к ней меня относил заклинатель, когда я перепила медовухи. Она, как и в прошлый раз, была в длинной

цветастой юбке, красной рубахе и платке.

– Можешь звать меня тётушка Ягиня, – всё так же мягко проговорила она.

Я вжалась в стену ещё сильнее. Яга! Все деревенские знают, что баба Яга – злая старуха! Но эта выглядела не такой старой и страшной, как описывают. Хотя кто знает, какие чары она успела на меня наложить, пока я спала? Видно, заклинатель решил меня сдать Яге, а сам будто бы и ни при чём.

– Да, не бойся ты так деточка! – ласково проговорила она, – Я же просто провести тебя пришла. Как ты тут? Отчего мой племяш тебя под замок посадил?

Так они ещё с господином Драгошем в родственной связи! Ну, точно, по-семейному решили избавиться от глупой Жельки.

– Что-то вижу я, ты, девица, как услыхала про Дражека, так побледнела вся! Что ж он, ирод такой, тут с тобой делал-то? – она всплеснула руками, – Ты давай садись, взвару выпей, я блинов напекла, негоже с пустыми руками в гости ходить. Пришла, а Дражека моего нет. Малюта сказал, ты тут одна, я и зашла поболтать.

Я всё-таки решилась сесть к столу. Помирать, так на сытый желудок!

Пока ела, Яга меня молча разглядывала.

– Что-то мне казалось, ты посправнее была, когда тебя ко мне в дом племянник приносил. Ты, конечно, и тогда худа

была, а сейчас вообще кожа да кости. Ты ешь-ешь, пока тёп-
лое.

Не знаю, то ли её добрый и успокаивающий голос на меня так подействовал, то ли очень вкусные блины, но к концу завтрака я её уже совсем не боялась.

– А вы и вправду тётушка заклинателя?

– Ну, почти. Родственники мы, это да. Да только в тех родственных связях чёрт ногу сломит, так что проще зваться тёткой да племянником.

– Ого! Сама Баба Яга господину Драгошу родственница, – протянула я.

Тётушка фыркнула и всплеснула руками.

– Никакая я не Яга! И уж тем более не баба! Ох уж мне эти деревенские сказочники! Запомни, девочка, я – тётушка Ягиня! И к вашим байкам да сказаниям про страшную людоедку, живущую в избушке на куриных ножках, никакого отношения не имею!

Говорила она спокойно, но я сразу поняла, что лучше Ягой её больше не звать, целее буду.

– Простите...

– Да полно тебе, не обижаюсь на первый раз. Но за это Расскажи мне, отчего мой родственничек тебя на кухне одну запер?

И я рассказала все свои злоключения. Уж очень не хватало мне человеческого общения. Не побоялась даже рассказать, зачем я пошла за одолень-травой, хоть и понимала, что

она может рассердиться на меня за то, что сочла её племянника умодвинутым. Даже про то, что решила, что заклинатель – женщина, и то рассказала. К моему удивлению, тётушка Ягиня только смеялась:

– Ну, ты даёшь, Желя! Надо же, Дражека за девку принять!

Правда, когда я дошла в своём рассказе до того места, когда заклинатель запер меня на кухне, тётушка нахмурилась.

– Он тебя не кормил?!

– Отчего же! Нет, и завтраки, и обеды, и ужины. Правда, я ни разу не видела, кто приносил еду, всё время засыпала перед этим. Господина Драгоша я не видела с того дня, как случайно сварила зелье, а он строго-настрого запретил мне отсюда выходить.

Ягиня внимательно посмотрела на скатерть, лежащую на столе, потёрла ткань между пальцами и пробормотала:

– А! Скатерть-хлебосолка.

Я собралась продолжить рассказ. Но меня перебил очередной вопрос тётушки:

– А в туалет ты как ходила?

Ну хоть кто-то тут человечный появился, кто знает об обычных надобностях и потребностях! Пришлось рассказать ей о своих мучениях и о том, как меня спас Малюта.

– Охти ж, олух! Охти ж, окаянный! Ну я ему задам!

Я быстро закончила свой рассказ, но тётушка Ягиня всё ещё ворчала что-то себе под нос, так что я не была уверена,

что она меня слушала.

Я молчала. Ягиня тоже молчала, но при этом ходила из угла в угол. Наконец она остановилась и внимательно на меня посмотрела:

– Желя, ты знаешь, что тебя проклинали?

Меня прошиб озноб. Что? Меня? Когда? Кто? Неужто заклинитель?

Видимо, что-то прочитав в выражении моего лица, тётушка сказала:

– Не Дражек. Раньше, гораздо раньше, насколько я могу судить. И все твои неудачи, они, скорее всего, из-за проклятия.

– И... Что же мне теперь делать? – это единственное, что я смогла из себя выдать.

– Я бы хотела для начала узнать, кто и когда это сделал. Но для этого мне нужно будет наслать на тебя сон. Только если ты согласишься.

Мне казалось, что я уже во сне. Меня кто-то проклинал. Всё моё невезение из-за проклятия. Вся моя жизнь – результат чьего-то недоброго слова. Всё, что я могла сделать, это кивнуть.

Ягиня, взметнув юбки, куда-то убежала. А я всё сидела и думала, кто мог меня проклясть. Деревенские? Да ведь меня они не любили как раз за то, что я невезучая. Баба Прося? Она меня страсть как не любила, но чтоб проклинать... Кто же?

Вернулась Ягиня, поставила передо мной зажжённую свечу, подожгла ею какие-то травы:

– Смотри, Желенька, на огонёк, да постарайся не думать ни о чём.

Легко ей говорить, ни о чём не думать, когда она мне сейчас такую весть принесла!

Краем глаза видела, как Ягиня размахивает тлеющими травами. В нос ударил горьковатый запах.

– Свечи огонь разгорается, пусть по Нави сон прогуляется, путеводным огнём свеча станется, на обратном пути душа к ней притянется.

Казалось, что тётушка бормочет совершенно несвязные слова, но перед глазами поплыл туман. Я только успела подумать о том, что если усну, то упаду прямо на свечу, и вдруг в моей голове стало абсолютно пусто, а перед глазами темно.

– Найди в Нави, что было, да возвращайся к Яви, – услышала я голос Ягини.

***

Я не понимала, кто я и где я. Было темно. Время от времени перед глазами плыли какие-то размытые картины. Вот девушка лезет на дерево и падает в воду. Вот она в сундуке, пытается выбраться. Обнимает какого-то парня и плачет, а тот её успокаивает. Идёт по деревенской улочке, а все встречные отворачиваются и плюют себе через плечо.

И всё это в полной тишине.

Звук появился, когда перед глазами запылал огонь. Ужа-сающий треск горящих брёвен, всполохи пожара и женские душераздирающие крики. Появились не только звуки, но и запахи. Запах гари и копоти. Заслезились глаза, и я почувствовала жар пламени на своей коже, он обжигал глаза, руки, лицо. Казалось, что сейчас моя кожа расплавится, хотя ещё несколько мгновений назад я думала, что у меня вовсе нет тела, а существуют только мои мысли и какие-то невнятные образы. Сейчас же я была в самом центре полыхающего пожара. Я закричала.

Всё опять исчезло. Темнота и тишина. Казалось, после такого у меня обязаны остаться ужасные ожоги, которые должны были болеть, но у меня вновь не было тела. От меня опять остались только мысли.

Затем я увидела ночной лес и двоих детей. Покосившуюся избушку, окружённую частоколом. Изображение опять поплыло. Снова туман перед глазами. Я часто-часто заморгала. Было странно, что я могла моргать. Я уже совсем запуталась, что есть я.

Вот я уже смотрю на убегающего мальчишку. Оборачиваюсь и вижу старуху. Меня прошиб холодный пот от одного её вида. Она была сгорбленная, страшная, с крючковым носом, землистым цветом лица, седая и простоволосая. Одета старуха была в грязную неподпоясанную рубаху, на которой были пятна, заставляющие думать о крови. И она

смотрела прямо на меня своими ужасными глазами. Хотя нет. Казалось, что у неё вовсе нет глаз, только пустые, пугающие глазницы. Но я всё равно знала, что она видит этими чёрными провалами глаз и смотрит именно на меня. Я оцепенела от страха. Хотелось убежать, спрятаться, закричать, но я не могла ничего сделать. Старуха подняла свою сухую руку и стала водить ею в воздухе. От этих её движений во мне всё похолодело. Она начала что-то нашёптывать шипящим хриплым голосом. Хотелось заорать, зажмуриться, отвернуться, сделать хоть что-то! Но у меня не получалось. И тогда я услышала голос, мягкий добрый голос в своей голове:

– Возвращайся, девочка, к свету свечи. К Яви, к жизни, теплу да свету. Возвращайся, девочка.

Глава 7

Сказка – ложь, да в ней намёк

Я открыла глаза. Передо мной всё так же стояла свеча, но пламя её уже погасло. Тонкий дымок, поднимающийся от фитиля, говорил о том, что погасили её только что.

Ягиня широко распахнутыми глазами глядела на меня.

– Ты как, Желенька?

– Х... – оказалось, что в горле першит и говорить трудно, я прокашлялась. – Хорошо.

– Сейчас принесу воды.

И она быстрым шагом вышла из кухни.

Я прикрыла глаза, силясь вспомнить, что было. Воспоминания ускользали, перед глазами мелькали неясные образы, которые ни о чём мне не говорили. Я впала в небытие, смотря на огонь свечи, и очнулась, когда свечу уже погасили. Что было между, я не помнила. Интересно, тётушка Ягиня что-то узнала?

– Держи, пей, деточка.

Я и не заметила, как она вернулась.

Пока пила, тётушка ходила из стороны в сторону по кухне, точно так же как перед тем, как сообщить мне, что я проклята.

– Всё плохо? – решилась спросить.

– Нет-нет, деточка, не волнуйся, – бросила она, не переставая мельтешить.

Входная дверь хлопнула с такой силой, что я подпрыгнула на своём месте.

– Какого ляда здесь происходит?! – прогремел голос господина Драгоша.

Ягиня наконец-то остановилась и развернулась к заклинателю.

– Племянничек пожаловал! Ну, заходи. Заходи, дорогой, – обманчиво мягко заговорила тётушка.

Племянничек оторопел и замер. Он явно не знал, что здесь его родственница.

– О, тётушка, а вы здесь как очутились?

– Проходи, говорю! – рявкнула она.

Только сейчас я обратила внимание, какого маленького она роста, а рядом с заклинателем и вовсе казалась крохотной. Но при этом было видно, что рост ей вовсе не помеха. А как злобно она сейчас сверкала глазами на Драгоша! Я аж поёжилась от такого зрелища.

– Ты, мой дорогой племянничек, зачем девку в четырёх стенах запер?!

Дорогой племянничек кинул в мою сторону неприязненный взгляд. Помнит ещё обиду-то.

– Как мне поступать в моём доме, это мне решать, тётушка.

– Тебе решать, значит?

Не знаю, как Ягиня умудрилась, но она отвесила господину Драгошу подзатыльник. Смотрелось это презабавно, такая маленькая женщина бьёт здорового мужика, а тот, безропотно склоня голову, принимает удар.

– А то, что она человек и потребности у неё человеческие, это ты забыл, да?

Ягиня схватила с буфета деревянную ложку, ту самую, которой я пыталась настукивать мелодию, и хлопнула ею по плечу пристыжённого мужчину.

– На гордость мужскую она тебе наступила? Обиду неправимую нанесла? Честь, можно сказать, оскорбила! – каждое свое предложение она закрепляла ударом ложки по плечу племянника. – Как маленький, ей-ей!

На лице у господина Драгоша застыла какая-то непонятная гримаса. Кажется, до него дошло, чего он меня лишил, заперев здесь.

– Не бойся, у Малюты ума поболее твоего оказалось!

Лицо заклинателя расслабилось.

– Ты хоть за эти пару дней заглядывал к своей пленнице, нет? – ложку она наконец-то убрала. – Так посмотри сейчас на неё внимательно!

Под пристальным взглядом господина Драгоша я вся сжалась. Мне казалось, что этот разговор должен был состояться без меня. Какому мужику понравится, что его отчитывают перед девкой? А ведь он и без того на меня зол был.

– Ты же заклинатель, в конце концов, это твоя работа! По-

слали же мне боги такого родственничка! – Ягиня всё больше распалялась, – Ты что, не видишь, как она исхудала, как побледнела всего за пару дней-то? Как её проклятие изнутри поедом ест? Ну, нет, конечно, какое там! Она ж твою мужескость оскорбила, да ещё и якобы приворожить хотела, тьфу на тебя, Дражек! Тьфу и ещё раз тьфу! Коли ты происходящего у себя под носом не видишь, то давай снимай с себя обязанности заклинателя да иди в деревню пастухом. Может, хоть там от тебя толк будет! Хотя нет, авось на тебя тёлки не так смотреть будут, ты и на них обиду затаишь, где ж запи- рать их будешь, а?

Кажется, заклинатель уже давно не слушал свою тётку, а всё так же внимательно меня разглядывал, о чём-то сильно задумавшись.

Ягиня наконец-то выдохлась и уселась на стул.

– Узнала что-нибудь? – спросил её заклинатель, – Я во- роужбу твою чувствую.

– Узнала-узнала, отчего ж не узнать, – уже совершенно спокойным голосом сказала тётушка Ягиня. – Ты, Дражек, сказочки любишь? Так вот я тебе одну расскажу. Не скажу, что сказка добрая, да уж какая есть.

Жили-были мальчик да девочка. Девочка всё время хоте- ла играть с мальчиком, да тот был старше и не хотел с ней иг- рать. Он любил слушать сказки, которые рассказывал бродя- чий сказитель. И вот, наслушавшись дедовских баек, замеч- талось мальчишке приключений, волнующих походов,

как у сказочных героев. Да только не знал он, где же их отыскать. Но тут дошли до него слухи, что в лесу, совсем недалеко от их деревни, живёт в избушке Баба Яга. А мальчонка знал, из тех самых дедовских рассказов, что у кого, как не у Бабы Яги, ему отыскать волшебные предметы. Кто, как ни Баба Яга, одарит его волшебным конём, гребнем, платком, а может, и ещё чем, но обязательно волшебным! Вот и решил он, недолго думая, пойти к Бабе Яге. Не знал, правда, что за ним увязалась девчонка. К его, надо сказать, счастью.

Как ты, Дражек, мог уже догадаться, никакая не Баба Яга-дарительница, жила в той избушке. И что бы она сделала с мальчонкой, не появивсь девчонка вовремя, я не ведаю. Может, на ужин бы у неё был бы гуляш из молодого хлопца, а может, просто прислужник новый появился. Уж чего не знаю, того не ведаю. Знаю только, что девчонка появилась вовремя, и мальчишке удалось сбежать от ведьмы. Бежал он быстро, так что пятки сверкали. И спасительницу свою неожиданную он бросил, не поблагодарив ни тогда, ни потом. Девчонка осталась один на один с ведьмой. Уж та разозлилась! Видать, улов в виде девки её жуть как не устраивал, ибо девчонку она отпустила. Но перед этим страшно прокляла. Есть у меня подозрение, что ведьма та вообще девиц не любила.

Мальчишка тот, как до своей деревни добежал, так сразу всех на уши поставил, мол, так и так, злобная ведьма, совсем рядом с поселением, хотела расправиться с ни в чём

не повинным мальчиком. Может, будь он простым деревенским мальчонкой, послушали б его да разошлись. Да только был он любимым внучком старосты. В общем, народ собрался. Как водится – вилы, факелы. Да пошли к дому той ведьмы. Вот только не нашли они её там. Изба стояла покинутая. Лишь опрокинутый котёл да перевёрнутые табуретки говорили о том, что ведьма собиралась в спешке. Нашли они и кости да черепа за домом. Кости похоронили, а избу сожгли. Но с тех пор к ведьмам в деревнях нелюбовь зародилась. Да и ко всему нечеловеческому тоже. Вот тебе, Дражек, и первопричина нелюбови людей к духам лесным.

А проклятие, что на девчонку наложила ведьма, сродни лихому сглазу, да только сильнее в сотни раз. Первой жертвой стала семья девчонки, что в ту же ночь погибла в жутком пожаре. Одна девчонка и смогла спастись. На этом проклятие вроде успокоилось, но невезение и случайные пакости случались тут и там. Но не настолько часто, чтоб сильно обращать на это внимание.

Девчушку приютили родственники из соседней деревни. Приняли её радушно да с любовью. Лишние руки в доме никогда не помешают. К тому же дядька её всегда о дочке мечтал, хоть обычно в деревнях одни сыновья в чести. А то, что у девчушки не всегда всё ладилось да часто с ней беды приключались, так с кем не бывает? Ну разве что с ней чуть чаще обычного. Да и чего греха таить, жалели сиротинушку. Вот, кстати, оттого что жалели и прозвали её Желей.

Через полгода беда в дом к ним пришла. Заболела тётка девчушкина, да слегла так, что и не встала боле. А злые языки по деревне слух стали распускать, мол, от девчонки все беды и пошли, зря приютили сиротку. Семья же девочку ни в чём не винила и всячески от таких слухов оберегала. Но нет-нет, да видела девочка, как при встрече с ней все отворачиваются да плюют через плечо, будто с лихом повстречались.

Шли годы, девочка росла. Пришёл возраст, когда пора бы уже и замуж её выдавать, да только крепко в деревне укрепилось мнение, что беды она несёт. А тут ещё с каждым годом село всё беднее и беднее жить стало. И рыбаки меньше рыбы ловят, и охотники меньше дичи носят, и в домах всё меньше урожай, куры хуже несутся да коровы удоями не радуют. Людям бы задуматься, что это всё оттого, что духов почитать меньше стали, уважение к ним потеряли, но не свойственно человеку в себе причину искать. Вот и сделали девку кругом виноватой. Всё больше разговоров стало о том, что избавиться от неё надобно, всё сильнее неприязнь свою стали ей выказывать. Да к дому дядьки её стали ходить, то по одному, то толпой. Говорили, мол, ведьму приютил.

И тут случайно появляешься ты, Дражек. Спасаете брата девочки, когда тот чуть не утоп. И вот пришла ему в тот момент мысль, как сестрицу свою от ярости деревенского люда спасти. А надо всего лишь якобы за его спасение девчонкой с тобою расплатиться. Уж не знаю почему, но верил он, что ты поможешь его сестре. Так вот и очутилась у тебя Желя, пле-

мянничек. А ты, как заклинатель, должен был первым попытаться в её проклятии разобраться, а не ждать моего вмешательства.

Ягиня замолчала. А я сидела, уставившись в одну точку, потому что до рассказа тётушки я совсем не помнила ни ведьмы, ни пожара. Я просто знала, что живу с дядей и братьями, а почему так случилось, даже не думала никогда. Получается, это я виновата в том, что мои родители погибли в пожаре! Так страшно и ужасно умерли по моей вине! По щекам покатились слёзы, я всхлипнула и зажала рот руками, чтобы не издавать слишком громких звуков.

Тётушка Ягиня села рядом со мной, обняла и тихо начала успокаивать:

– Ну-ну, нет твоей вины ни в чьей гибели. Успокойся.

Всё-таки голос у Ягини обладал каким-то чудодейственным свойством, потому что я почти сразу же успокоилась, а она, перестав меня обнимать, встала и опять начала ходить по комнате.

Заклинатель наконец подал голос:

– Значит, она просто появилась не в том месте и не в то время? Удачливостью девка и до проклятия не могла похвастаться.

Ягиня замерла и отвесила племяннику ещё один подзатыльник:

– Думай, что говоришь! К тому ж Ивашку она спасла своим появлением. Узнала я ту ведьму, Дражек. И проклятье

это узнала.

Кажется, для меня сегодня было слишком много сказано, потому что только сейчас, когда тётушка назвала имя мальчика, я поняла, что именно эту историю вновь и вновь пересказывают в деревнях, когда говорят, что нельзя верить ведьмам, мол, помните тот случай с Ивашкой и Бабой Ягой? Внезапно я будто стала одним из главных персонажей какой-то недоброй сказки.

Из моих размышлений меня выдернул вопрос заклинателя:

– И что за ведьма?

– У ведьмы этой много имён. Говорят, когда-то давно её звали Марика, когда она была молода и красива. Но это было ещё до того, как она обратилась к запрещённым сторонам магии и стала переходить границы дозволенного, обращаясь к тёмным силам. После этого её стали звать Мара, ибо несла она только смерть, мор и кошмары. С каждым её колдовством она теряла кусочек своей души и частичку красоты. Всё меньше она походила на ту красивую молодую женщину, которой была, и всё больше становилась похожа на старуху, которой впору пугать не только детей, но и взрослых. Но однажды она перешла черту. Ту, что никто и никогда не должен переходить, а уж тем более женщина. Особенно мать. Она принесла в жертву тёмным силам собственного сына, и сама не вынесла груза своего поступка. Она обезумела. С тех пор в каждом мальчике искала своего сына, а в

каждой женщине видела убийцу. Её стали называть Манья. Теперь в ней совсем ничего не осталось от женщины, которую некогда звали Марика. Она уже даже не походила на старуху, скорее жуткий призрак, блуждающий по свету в поисках сына. Ты наверняка слышал это имя, Дражек. Это имя вселяет страх. Этим именем пугают уже не детей и взрослых, этим именем можно напугать даже сильнейших ведуний и заклинателей. Потому что для простого люда Манья – просто выдумка, страшная сказка для ночных посиделок у костра. Но гораздо страшнее знать, что Манья – реальная женщина, сгубившая собственного ребёнка ради умножения своей силы, и что она действительно живёт где-то на этом свете. Вот с кем не посчастливилось встретиться Желе. Вот кто её проклял.

Мою кожу покрыли мурашки, несмотря на тёплые лучи светила, быющие в окно. Казалось, что сейчас небо заволокут тучи, грянет гром или внезапно наступит ночь. Потому что все эти ужасы, о которых говорила тётушка Ягиня, совсем не вязались с тёплым летним днём и ярким светом. Я поёжилась. Видимо, это не скрылось от зоркого глаза тётушки.

– Дражек, племянничек дорогой, а ну-ка, превратись на время в добросердечного хозяина, сделай нам горячего взвара. А уж после я расскажу вам о проклятии.

Дорогой племянничек явно был недоволен таким раскладом, но спорить с тётушкой не стал. Пока его не было, Ягиня обратилась ко мне.

– Повезло тебе, Желенька, с братом твоим, который тебя сюда направил. Мой Дражек, может, и кажется суровым, да кто, как не он, поможет тебе с твоей бедой? А он поможет, я не я буду. Может, покочевряжится, но поможет. Так что ты не бойся. Ни проклятия, ни уж тем более Дражека. Я же вижу, как ты опасливо смотришь на него. Не такой он грозный, как в деревнях считать принято. Да и обида на тебя у него пройдёт.

– Да, я не боюсь, тётушка, только стыдно очень, – прошептала я.

– А, – Ягиня махнула рукой, – стыдно, когда дети на соседа похожи.

Тут на столе как по волшебству появились три кружки взвара. Я охнула.

– Как это?

Ягиня заулыбалась.

– Скатерть-хлебосолка. Ты думала, что все эти дни к тебе заходил кто-то и еду приносил, а это всё она. Может, Дражек тебе как-нибудь про неё подробно расскажет.

К кружкам взвара добавилась чашка мёда и пирог. Через время вернулся заклинитель. Ели мы молча, но по тому, как господин Драгош постукивал пальцем по столу, было понятно, что ему не терпится услышать продолжение рассказа Ягини. Мне вроде тоже хотелось знать больше о моём проклятии, но вместе с тем было страшно. Хотелось спрятаться от всего этого подальше, притвориться, что это всё дурной

сон, и я вот-вот проснусь оттого, что Мстятя трясёт меня за плечо.

Господин Драгош отставил кружку, всем своим видом говоря, что пора бы Ягине продолжить свой рассказ. Она ещё чуть-чуть посидела молча, потом отодвинулась от стола и сказала:

– Я сказала, что проклятие узнала, да только это не совсем так. Манья связала воедино несколько разных проклятий. Она всегда была умна и безумие этот ум лишь извратило. Извратило настолько, что она создала одно проклятие, которое обладает особенностями нескольких. Это проклятие крови, смерти и лиха.

– Она прокляла не только девчонку, но и всех её кровных родственников? – задумчиво то ли утвердительно, то ли вопросительно сказал заклинатель.

– Нет, прокляла она лишь Желю. Но как ты знаешь, обычно проклятия сами собой спадают, если умрёт проклявший либо проклятый. Но не в этом случае. Если умрёт Манья, не будет жив хоть один её кровный родственник, то проклятие будет действовать. Но, думаю, на повальный мор среди них надеяться нам не стоит.

Драгош напрягся, хмуро посмотрел на Ягиню:

– Ты же не предлагаешь устроить резню ведьминых родичей?

– Что ты! – тётушка всплеснула руками, – Побойся богов! Не спорю, история знает такие случаи, но у них тогда либо

не было хорошего заклинателя, каким, я надеюсь, ты и являешься, либо просто не хватило мозгов на большее, чем махать мечами.

Ягиня замолчала, прикрыла глаза и тяжело вздохнула. Заклинатель с беспокойством взглянул на неё.

– Ты как? Отправление в Навь не прошло бесследно?

– В порядке. Просто девчонка никак возвращаться не хотела, вот я и перенервничала слегка, – Ягиня медленно выдохнула, открыла глаза и снова бойко продолжила: – Так, о чём это я? С кровностью проклятия вроде ясно. Теперь о самой проклятой. С её погибелью проклятие тоже просто так не исчезнет. Ты уж прости, Желя, что о таком говорить приходится, ну уж как есть.

Я просто кивнула в ответ.

– Проклятие это, что мыльный пузырь – коли лопнет, то всё вокруг забрызгает. Только сами понимаете, тут не просто мыльная вода. Если погубить тебя кто захочет, то сам погибнет, а проклятие уничтожит всё на сотни вёрст в округе. Не останется поблизости ничего. Ни живого, ни мёртвого. И это всё опять говорит в пользу твоего брата, который решил схоронить тебя у Дражека. Умный хлопец, не отдал тебя на растерзание толпе деревенских невежд.

Ягиня опять замолчала.

– Какие-то ещё неприятные неожиданности у этого проклятия есть? – спросил заклинатель.

– С нелюбовью Маньи к женщинам, не удивлюсь. Вообще

удивительно, что созревание Жели прошло без яркого проявления со стороны проклятия.

Драгош окинул меня взглядом:

– Может, оно не наступило?

Тётушка молча треснула его по затылку. Некоторое время они прожигали друг друга взглядом.

– Мне вообще кажется, что проклятие изначально как-то не так на Желю легло. Ведь ей самой оно почти и не вредит, только окружающим. Или у Маньи цель была именно в том, чтобы проклятая несла всем неудачи и жила при этом как можно дольше. Кто этих безумных ведьм разберёт, что у них в голове? В общем, что узнала, я тебе, Дражек, сказала. Твоя очередь думать. Как проклятие снимать будешь?

– Манью бы найти, да опасно это больно. Можно парой её родичей, конечно, обойтись. Да вот где искать их?

– Тут может я и помогу тебе. Знала я в молодости одного хлопца, который как-то по пьяной лавочке душу мне свою изливал, мол, была у него сестрица-красавица, которая в ведьмы подалась, да с тех пор от семьи отвернулась. Мари-кой звали сестрицу, смекаешь?

– И где ж уверенность в том, что эта та самая Марика?

– Сердце мне моё подсказывает, такая уверенность тебе подходит?

Заклинатель лишь покачал головой.

– Жив-то хоть ещё хлопец этот?

– Чего не знаю, того не знаю. Отправитесь, куда укажу,

там повыспрашиваете про Мирека Одноглазого. Может, дети у него остались аль внуки. Кого-нибудь да найдёте. А вот меня, пожалуй, поминать там не стоит.

– Одноглазый? – догадался господин Драгош.

– А неча руки было распускать, мабуть и двуглазым бы остался! – буркнула тётушка.

Заклинатель хмыкнул.

– И как же я тут всё оставлю? Кто лесных от деревенских будет сдерживать? Кто деревенских от лесных убережёт? Им же дай разгуляться, они поубивают друг дружку!

– А вот ты Желеньку с её проклятием подале увезёшь, и поуспокоятся и те и другие. Почему-то мне думается, тут действие проклятия не последнюю роль играет. Последние два дня поспокойнее же было?

– Да...

– А теперь глянь, что на Желе надето.

Драгош опять внимательно на меня посмотрел. Ну да, платье я хоть и забрала, но переодеться так и не успела.

– Рубаха моя заговорённая, да ещё и шиворот-навыворот.

Я дёрнулась и внимательно посмотрела на себя. И вправду швы наружу. Видать, когда после бани одевалась, так неважно себя чувствовала, что не заметила, как неправильно надела.

– Ха, интересное действие получилось. Вместо того чтобы отражать отрицательное воздействие извне, вывернутая наизнанку рубаха не давала проклятию вырваться наружу. И

при этом действовало только на девуку.

Если честно, то я ничегошеньки не поняла из того, что бормотал себе под нос заклинатель, но судя по тому, как одобрительно кивала тётушка Ягиня, то ей всё было ясно.

– Да-да, – подтвердила Ягиня, – Отсюда её бледность, усталость и повышенная худоба.

– В какую сторону путь-то держать? – наконец, перестав бубнить себе под нос непонятные вещи, спросил заклинатель.

– В родные земли, Дражек.

Они ещё о чём-то переговаривались между собой, а я сидела и ничегошеньки не понимала. Мы куда-то отправляемся? Или это они куда-то отправляются? С меня решили снять проклятие? Вот так вот просто? Ещё утром я была почти что пленницей, которую и в нужник-то не пускали, а теперь с меня хотят снять какое-то жуткое проклятие? Да мне же и расплатиться за это нечем! Я же сирота и бесприданница! Но такое ощущение, что это никого не волновало.

И какие такие родные земли? Это на родину господина заклинателя? Интересно, где это? Я точно знаю, что он откуда-то издалека... Говорили, что он пришёл из закатных земель. Только сколь этих земель-то на закате от нашего Прилесья? На самом деле ответа на этот вопрос я не знала. Когда-то давно дед Премысл рассказывал, как он бывал в разных землях, будучи молодым. Тогда я узнала, что мир не ограничивается нашей деревней, и даже всем Прилесьем.

Что за лесами лежит Белогорье. Там почти всегда снег и не бывает лета. Что где-то далеко, в полуденных землях, живет дикий кочевой народ. И что людей и мест на самом деле множество. Дед Премысл был единственным в нашей деревне, кроме дядькиной семьи, кто относился ко мне доброжелательно. Он всегда рассказывал диковинные истории и даже пытался научить меня писать и читать, что было уж совсем странно. Ну на кой деревенской девке такие умения? У нас-то и книг отродясь не было. Но всё же кое-какие знания ему удалось мне передать. Наверняка ему было до ужаса скучно и одиноко, вот и привязался он к маленькой девчонке, которой тоже было одиноко.

– Нужен оберег для девки, чтобы хоть как-то сдерживал проклятие в обе стороны, не так как рубаха сейчас. Иначе мы не доедем, – выдернул меня из раздумий голос заклинателя.

– К завтрашнему утру сделаю, Дражек. Отправляться вам надо поскорее.

– Завтра и отправимся, ты только точно скажи куда ехать-то.

– Побуду вам Бабой Ягой-дарительницей, – хихикнула Ягиня, – завтра и клубок зачарованный дам. Ты пока готовься к отъезду. И я, пожалуй, Желеньку к себе на эту ночь заберу, а то вдруг ты её опять запрёшь.

– Делай как знаешь, – махнул рукой заклинатель, и уже в дверях обернулся и спросил у меня, – в седле держаться умеешь?

– Нет.

Тяжело вздохнув, Драгош ушёл.

– Тётушка Ягиня, мне же нечем будет расплатиться ни с вами, ни с заклинателем, – наконец решила я вслух озвучить свои опасения.

– Полноте, Желенька. Если бы все брались за работу, только тогда, когда можно поиметь с этого выгоду, то жили бы сейчас в мире, обречённом на вымирание, – она помолчала и добавила: – И вот что я тебе ещё скажу, запомни это на будущее. Если кто-то для тебя что-то делает и не берёт за это платы, то это не значит, что он с этого ничего не имеет.

Мне показалось, что эти два её утверждения между собой как-то не сходятся, но я промолчала.

***

Мыться пришлось в печи, потому как бани у Ягини не было. Но после происшествия с банником я не жаловалась.

После того как я наконец-то вымылась, тётушка принесла мне какие-то вещи.

– Померь, должны подойти. Будете путешествовать верхом, в платьях тебе будет неудобно. Да и, наверное, лучше будет тебе прикинуться хлопцем, в дороге оно спокойнее. Не думаю, что появятся проблемы с путешествующей девицей, в компании заклинателя, но всё ж лучше предостеречься.

Я взяла в руки рубаху и штаны. По крайней мере, они вы-

глядели меньше, чем вещи господина Драгоша. Одевшись, убедилась в том, что они мне подходят.

– Хорошо-хорошо, – пробормотала Ягиня, – где-то у меня был дорожный плащ, который должен подойти. А теперь пойдём, я отвар тебе сделала, чтоб силы твои, проклятием поеденные, восстановить. Потом поможешь мне оберег плести.

Не знаю, что имела в виду тётушка, когда говорила о моей помощи, потому я просто сидела напротив неё и, подперев щеку ладонью, смотрела, как ловко она, что-то бормоча себе под нос, плетёт обережный браслет. Так я и уснула, сидя за столом, под мерное бормотание Ягини.

Мне снился мой Мстятя. Я не видела его всего седмицу, но ужасно соскучилась. Я просто смотрела на него и улыбалась. Мстятя повернул голову в мою сторону и тоже широко улыбнулся, раскинув руки для объятий. Я только собралась бежать к нему навстречу, как из-за моего плеча выбежала Богумила и кинулась к нему. Он поймал её на бегу, закружил и начал покрывать её лицо поцелуями:

– Милочка моя! Родная!

Они сжимали друг друга в объятиях и целовались, остальной мир для них не существовал. И не существовало меня, стоящей рядом с ними. Конечно, он меня забыл, зачем ему маленькая невезучая сестрёнка, да ещё и проклятая, когда у него есть невеста. Что-то больно меня кольнуло, на глаза набежали слёзы. Я яростно смахнула их рукой. Внутри меня

росло какое-то непонятное чувство, словно в груди разгоралось пламя. Что-то кольнуло меня сильнее.

– Ай!

Я проснулась. Напротив меня стояла Ягиня, держа в пальцах иголку, которой, видимо, только что ткнула меня в палец, потому что тот сильно болел.

– Капелька твоей крови, для оберега, – как ни в чём не бывало, сказала она.

Я потёрла лицо руками, сгоняя остатки сна.

– Что тебе снилось, Желенька?

– Ммм... Брат.

– Один?

– С невестой, – нехотя ответила я.

– С невестой значит, – задумчиво протянула колдунья, – Интересно-интересно.

– Что интересно, тётушка? – зевая, спросила я.

– Проклятие твоё впервые за всё это время среагировало бурно. Заклубилось темнотой вокруг. Хорошо, что у меня дом заговорённый, а то одной попорченной кухонной утварью не обошлось бы.

Я огляделась. На полу валялись черепки от разбившихся горшков и кружек, даже деревянные ложки и те пошли трещинами. На столе, за которым я уснула, тоже образовалась неглубокая щель.

– Охти ж мне!

– Не стоит так бояться, ничего страшного не произошло,

а оберег почти готов, — успокоила меня Ягиня, — иди спать ложись, а то сидя ты не отдохнёшь. Завтра вам в путь с рассветом.

Глава 8

Начал идти – одолел полпути

Ягиня разбудила меня ни свет ни заря. Судя по всему, сама она спать так и не ложилась.

– Переоденься. Отыскала тебе штаны из мягкой кожи.

Я недоумённо на неё посмотрела.

– После того как несколько часов кряду в седле просидишь, только рада будешь.

Волосы она собрала мне в низкий хвост и повязала на лоб повязку, чтобы они не падали в глаза.

– Мы ж решили, что ты хлопец. Волосы у тебя не больно длинные, так что сойдёт, а в косу заплетать не надо.

В итоге на мне оказалась чья-то серая рубаха с длинным рукавом и коричневые кожаные штаны. Ну, хоть сапоги на мне были моими. На левой руке красовался сплетённый тётушкой оберег, который должен был сдерживать проклятие. Чувствовала я себя донельзя странно. Ягиня протянула мне перчатки:

– Поверь, пригодятся.

В дверь постучали и следом, не дожидаясь ответа, вошёл заклинатель.

Я говорила, что чувствую себя странно? Всё прошло, забудьте. Господин Драгош выглядел... Странно? Грозно?

Непривычно? Он впервые выглядел как заклинатель. Нет, он не стал согбенным старцем, как я раньше представляла заклинателей. Но вокруг него как будто появилась какая-то дымка загадочности. Или это всё действие накинутого на голову капюшона от дорожного плаща? А, нет. Капюшон он скинул, разбрызгав капли утреннего дождя, а загадочность осталась. Не знаю почему. Может, потому что я впервые видела его не в хлопковых портках и простой рубаше. На господине Драгоше были странного кроя штаны: в целом они были вроде бы холщовые, но на коленях и на внутренней стороне бёдер были вставки из кожи. Интересно, это в целях экономии кожи так? Или зверушки не хватило, чтоб пошить на длиннющие ноги заклинателя штаны целиком из кожи?

– Всё готово? – спросил Драгош у Ягини, даже не удостоив меня взглядом.

– Да, проходи. Поешьте и отправляйтесь в путь.

За столом нас ждала каша, свежий хлеб и горячий взвар. Сначала мы ели в тишине. Я всё никак не могла оторвать взгляда от заклинателя. Не могла понять, чем же он так отличается от себя обычного. Вроде всего-то штаны передел. Хотя сейчас за столом я и штанов его не видела. Почему-то захотелось заглянуть под стол, кинуть ещё раз взгляд на эти самые штаны. Ну а что? Я девка простая, захотелось – сделала. Вынырнув из-под стола, увидела, что на меня уставилось две пары глаз: Ягиня смотрела насмешливо, Драгош – настороженно.

– А я что? Я ничего, – пробормотала я, засовывая очередную ложку каши себе в рот. Осмотр штанов ничего не дал. Ну да, штаны, ну да, местами из недоросшей животинки. Продолжив жевать, всё-таки не выдержала и сказала:

– Вы, господин Драгош, сегодня как-то особенно по-заклинательски выглядите. Не могли бы вы всегда таким быть? Чтобы случайно попавшие на ваш двор девицы сразу могли в вас распознать заклинателя, а не путать с каким-нибудь простым деревенщиной?

Тётушка Ягиня хихикнула, но под грозным взглядом Драгоша попыталась скрыть смех кашлем.

– Я очень надеюсь, что на моей территории больше никогда не появится незваных девиц. От одной вон никак не отделаюсь.

Ягиня повернулась ко мне и шепнула:

– Не обращай внимания, он всегда такой сварливый, когда до рассвета вставать приходится.

***

Несмотря на то что дом Ягини мы покинули ещё затемно, отправиться в путь смогли, только когда уже рассвело. Довольно много времени ушло на то, чтобы хоть как-то научить меня держаться в седле. Хотя на самом деле проблема была даже не в том, чтобы я в нём держалась, это как раз оказалось не так сложно, а в том, чтобы и я и лошади друг к дру-

гу привыкли. Я боялась лошадей, а они дёргались при моём приближении и стригли ушами. Вообще, у меня всегда с животными отношения складывались не самым лучшим образом. Не любили они меня. Как я в деревне кормила кур или доила коров – это вообще отдельная история.

Но то ли лошади, которых выбрал заклинатель, были более спокойные, то ли это было его какое-то особое магическое воздействие, но мы вроде бы кое-как нашли общий язык. Так что к рассвету я уже более-менее уверенно держалась в седле. Ну, как уверенно? Пока я нарезала верхом небольшие круги по ровной поляне – я была уверена, что всё хорошо. Но я-то знала, что путь нас ждёт долгий, местами непредсказуемый, и мы не будем всё время медленно брести по кругу. Это пугало, но я решила оставить свой страх на потом. Я вообще, знаете ли, любитель откладывать дела на потом.

У нас было целых три лошади. Для меня, для господина Драгоша и лошадь для поклажи. Правда, я наотрез отказалась крепить сумку, выданную мне Ягиней, на выючную лошадь. Всё ещё свежо было в памяти расставание с моими вещами, которые умыкнула баба Марта. Так что, может, где-то она и права, что все свои вещи носит при себе. Я, правда, даже не успела заглянуть в сумку, потому что тётушка выдала мне её перед самым выходом, когда заклинатель уже чуть ли не топал ногами и торопил. Но даже если в ней нет ничего важного, расставаться я с ней не желала.

– Если внезапно решишь заорать, подумай хорошенько. Лошади и так не очень спокойно на тебя реагируют, не стоит лишний раз их пугать. Результат тебя не порадует, – напоследок напутствовал Драгош.

– И чего бы мне вдруг захотелось поорать? – тихо буркнула под нос.

– Тебе виднее, Аука тот вон до сих пор от встречи с тобой отойти не может.

Вот же слух у мужика!

Мы уже какое-то время ехали по большаку. За всё время встретили всего пару обозов. Не удивительно: в основном все деревенские работают в поле или заняты у себя во дворах, а проезжие путники в наших краях встречаются редко. Я было попыталась завести разговор, но заклинатель всё ещё был в недобром настроении.

Если честно, то мне уже некоторое время хотелось в туалет, но пока я молчала. На самом деле не хотелось, чтобы господин Драгош опять смотрел на меня волком. Мол, от меня одни проблемы, в путь мы вышли только из-за меня, а я и верхом ездить толком не могу, да ещё в кусты приспичило, чуть от деревни отъехали... В общем, я ждала, когда заклинателю приспичит первым. Но мы всё ехали и ехали, а эти подпрыгивания вверх-вниз в седле только усиливали моё желание скрыться за ближайшим кустиком. Я всерьёз задумалась о том, ходят ли в туалет чаровники. Всё-таки когда господин Драгош изволил сердиться и запер меня в своей

летней кухне, он напрочь забыл о том, что мне может понадобиться нужник. Не потому ли, что ему он не нужен? А для кого тогда он был вырыт у него во дворе?

– Господин Драгош! – всё ж решилась прояснить ситуацию.

– Чего тебе?

– Отличаетесь ли вы от обычного человека?

Заклинатель недоумённо на меня глянул.

– В каком плане?

– Ну, в плане... ниже пояса вы как-то отличаетесь? – решила уточнить.

Но после этого моего вопроса чаровник закашлялся и странно на меня покосился.

– Это ты поэтому утром под стол заглядывала? Пыталась там что-то рассмотреть?

– Что?! – от такого предположения я чуть не сверзилась с седла. О чём он вообще там в своей заклинательской голове думает? – Э-э-э, нет. Я к тому, что... Ну вот обычные люди, они пьют, едят...

В моих мыслях всё было просто, следом само просилось продолжение о том, что после этого люди писают и какают. Но видимо, только в моих. Или это оттого, что у меня сейчас все мысли только о том и были?

– И? Ты вроде бы со мной не раз уже за столом сидела и видела, что и я ем и пью.

За столом-то я сидела, а вот что после этого сидения было,

не знаю. Не видела, компании не составляла.

– Ну, ещё обычные люди ходят в туалет!

Ну всё, вроде тут он уже просто обязан понять, к чему я клоню.

– Угу, заклинатели тоже ходят.

У-у-уй, я сейчас завою.

– А как часто?

– Что как часто?

– Да в туалет как часто ходят заклинатели?! – я уже была готова его стукнуть.

– Ну как захотят, так и ходят, – хмыкнул господин Драгош.

– А когда вы захотите?

– Как только пищеварительные процессы в моём организме подойдут к концу.

– Ничего не поняла, но кажется мои процессы уже подошли...

– А! Так ты в туалет хочешь?

– Да! – почти выкрикнула я.

Мы остановились. Я так торопилась выпрыгнуть из седла, что чуть не свалилась. Хорошо, что заклинатель уже спешил и помог мне слезть.

– Ты так убьёшься! Давай-ка я тебя научу, как правильно падать с лошади, – предложил он, придерживая меня за плечи.

Я вывернулась из его рук и бросилась в ближайшие кусты

с криком «Потом!».

За моей спиной раздался мужской смех. Так он издевался надо мной? Небось ещё и сразу понял, к чему я вопросы задаю, а виду не подал. Вот гад!

Пока я бежала в кусты, не могла ни о чём думать, кроме как о том, как бы успеть добежать. Зато на обратном пути, когда жизнь должна была быть для меня прекрасна и удивительна, поняла, что это не так. У меня болели ноги. Да ещё и в каком-то жутко неприличном месте! В том самом, на котором у господина Драгоша были кожаные вставки на штанах. Это у меня из-за лошади, что ли? Ой-ёй! А мы же только недавно выехали! Соберись, Желя, всё нормально. Это с непривычки! Ещё через пару часов всё забудется.

Уговорив себя, что всё будет хорошо, я вернулась к заклинателю и лошадям. Господин Драгош стоял ко мне спиной, и я смогла разглядеть, что сзади, пониже спины, на его штанах тоже была кожаная вставка. Я тихо хихикнула. А потом подумала о том, что следующим местом, которое заболит у меня от езды на лошади, видимо, будет именно то самое.

Мне снова помогли забраться в седло, и наш путь продолжился. Только почему-то лошадь перестала меня слушаться. Точнее, я и раньше не особо ею командовала, она как-то сама шла вперёд, но сейчас ей вдруг стала больше интересна трава на обочине дороги, чем сама дорога.

– Давай, лошадка! – я чуть сильнее сжала её бока.

– Она чувствует твою неуверенность и неопытность, будь

жѣстче, – посоветовал заклинатель.

– Пошли! – громче сказала и слегка ударила её ногами.

Она оторвалась от поедания травы, но с места двигаться не стала.

Чаровник подъехал ближе ко мне, слегка хлопнул кобылу по крупу и сказал:

– Двигай.

Как ни странно, но это сработало. Видно, в его словах уверенности было больше, чем в моих.

– Ммм, господин Драгош, а как зовут наших лошадей? – поинтересовалась я через некоторое время.

Вообще, ужасно невежливо с моей стороны не познакомиться с животными, которые нас везут.

– Не знаю. Никак не зовут. Лошади и лошади.

– Но как же так? Нужно придумать им имена!

– Ты, я посмотрю, из тех, кому обязательно надо всему дать название? Знал я одну барышню, которая даже собственным бровям имена давала. У твоих, случайно, имён нет?

Я подозрительно глянула на заклинателя. Станный он. Брови – неодушевлѣнные же, дышать не дышат, травку не кушают, зачем им имена? Хотя... Я почесала правую бровь. Чесуха. Правоброша. Торчулька. Нет, дурость какая-то. Маруся. Кто вообще называет бровь человеческим именем?

– Эй ты что, придумываешь имя для бровей?

– А? Что? Нет!

Тьфу, вот ведь! Совсем с мысли сбил. Я же про лошадей думать должна.

– А как вообще обычно лошадей зовут?

– Да как хотят, так и зовут. Сама придумай. Был у меня один знакомец, который всех своих лошадей называл одним и тем же именем. Только, убей не помню, каким. Что-то связанное с рыбой... То ли Тарань, то ли Чебак, а может, Вобла...

Моя лошадь опять решила, что можно ехать и помедленнее, а можно и вовсе пойти пожевать травы.

– Тьфу ты, – я опять ударила её пятками, – Шевелись, Вобла!

Нет, дурацкое имя для лошади. Кто вообще мог додуматься лошадь звать рыбным именем? Видимо, господин заклинатель решил также, потому что громко рассмеялся. Странно, но услышав его смех, моя кобылка решила продолжить путь.

– Нет. Вобла не подходит, – заключила я.

– Стерлядю попробуй, – хохотнул заклинатель, – Ещё я как-то слышал, как один хлопец звал своего коня Куклой.

– Коня? – переспросила я.

– Да, именно коня. Видимо, всему лошадиному семейству не особо везёт с именами, так что можешь сильно не раздумывать над этим. Судьба лошадиная такая – дурацкие прозвища получать.

Я ехала и думала о лошадиных именах. Ну, допустим, ко-

была, идущая с поклажей за заклинателем, точно Вьюнок. А как же те, что везут нас? Решив, что со временем имена сами найдутся, я переключила свои мысли на другое.

– Господин Драгош! Если тётушка Ягиня смогла сделать браслет, который сдерживает проклятье, то зачем мы вообще куда-то едем? Нельзя ли мне просто всё время его носить?

Заклинатель, усмехнувшись, посмотрел на меня:

– Во-первых, действие оберега ограничено. При лучшем раскладе его хватит на несколько седмиц, максимум на четыре-пять. Во-вторых, проклятие действует непредсказуемо. А вкупе с твоей врождённой невезучестью, чудо, что мы вообще до сих пор в порядке.

И тут как будто в подтверждение его слов, моя лошадь оступилась, я резко дёрнулась в седле и взвизгнула. И видимо, своим резким криком напугала лошадь, потому что она, громко заржав, рванула вперёд. Изо всех сил вцепившись в поводья, даже не для того, чтобы попытаться остановить ошалевшую кобылу, а для того, чтобы не упасть, я продолжила визжать. Громкий звук только больше пугал лошадь, но мне как-то не приходило в голову замолчать. Потому что моя естественная реакция на страх – орать. Лошадь неслась, не разбирая дороги, от ужаса я зажмурилась. По моему лицу хлестали ветки деревьев, и я поняла, что мы свернули с тракта. Орать, когда тебе в рот попадают листья и ветки, очень неудобно, поэтому я утихла.

Глава 9

Какой лес без чудес?

– Ох ты ж, с... с-с-с... Стерлядь... С-с-стоооой, – стала нашёптывать себе под нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.